
Виталий КОВАЛЕВ

УРАГАН «ЛОЛИТА»

Повесть

Был душный июльский вечер. Мы вчетвером резались в карты «на желание», и я проиграл. Маргарита задумчиво глядела на меня, обдумывая желание.

— Вот! Придумала. Вставай, иди, куда хочешь, и найди мне интересный подарок. Но цветы не надо, — добавила она, заметив, что я посмотрел в окно, разделенное по горизонтали полем, простиравшимся до голубоватой полосы далекого леса.

Вот почему этим вечером я вышел из приятной прохлады сельской школы, в которой мы жили, и оказался среди духоты, стрекота кузнечиков и пронзительного писка ласточек в небе, а над всем этим застыло облако, похожее на белую птицу с распростертыми крыльями.

Вдали между холмами блестела залитая золотистым светом река, а на берегу под кронами деревьев раскинулся хутор. Подойдя к реке и искупавшись, я сел на песчаный берег, достал из сумки коробку пастели, блокнот и стал рисовать хутор и реку в солнечных бликах. Вокруг тишина, тихий шелест камыша и плеск воды под провалившейся доской мостка, к которому привязана лодка.

Я удивился, услышав за спиной детские голоса:

— Lolita, Lolita!

— Come to me, right now!

Оглянувшись, я увидел двух девочек, явно сестер. Одной было лет десять, и звала она по-английски девочку лет шести. Они расположились на траве недалеко от меня. Младшая скучала, разглядывая свою коленку, а старшая, очевидно та самая Лолита, стала читать, склонившись над книгой. Ее золотистые волосы закрывали лицо. Передо мной была живая иллюстрация к началу книги «Алиса в стране чудес». Не хватало только кролика, но только я об этом подумал, как высокая трава колыхнулась, и из нее выскочил небольшой черный пес.

Подбежав ко мне, он гавкнул, припав на передние лапы, и опасно понюхал коробку с пастелью. Лолита уже не читала, а, обхватив колени руками, смотрела, как я рисую. Лицо ее было светлым, прохладного тона, и, как это бывает у рыжеволосых, с бледной россыпью веснушек у носа. Волосы выбились из заколки в виде золотой стрекозы. Пес, понюхав пастель, чихнул, мотнув головой.

Со стороны хутора к нам приближался мальчик такого же возраста, как и Лолита, и до того на нее похожий, что я догадался — брат.

Виталий Васильевич Ковалев родился в 1957 году. Окончил Рижскую художественную школу имени Яна Розенталя и Латвийскую государственную академию художеств имени Теодора Залькална (отделение книжной графики). С 1981-го по 1991 год работал главным художественным редактором в издательстве «Zinatne» Академии наук Латвийской ССР. Публиковался в журналах «Eva & Adam» (Латвия), «Волга XXI век» (Саратов), «West/East» (Лос-Анджелес, Калифорния), «Приокские зори» (Тула), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток», «Кольцо А» (Москва) и др. Живет в г. Юрмале.

Я решил еще раз искупаться и двинулся уже к воде, как вдруг услышал за спиной:

— Paradiť ko interesantu? (латыш. «Показать что-то интересное?»).

Я не сразу понял, что вопрос обращен ко мне, но оглянувшись, встретился с ее взглядом.

— Ja. (Да).

— Ты русский? Говори по-русски, — сказала она и, спрыгнув с песчаной кручи над берегом, побежала вдоль воды, хрустя босыми ногами по ракушкам и обломкам сухого камыша.

— Нырни здесь, — показала она рукой на реку, — посмотри, что под водой.

Вода была теплая и прозрачная. Стайка уклеек метнулась в сторону, задев мою ногу. Я проплыл немного и нырнул. Под водой по песчаному дну скользили пятна света, на уши вместе с водой давил гулкий неземной звук. Дно подо мной уходило полого вниз и вдруг обрывалось в темноту подводного обрыва. Я повис над его краем. Большая рыба замерла в дымчатом сумраке глубоко внизу.

А надо мной, раскинув руки, парила на поверхности воды Лолита. Лицо ее было опущено в воду, волосы растеклись по воде, словно пятно золотой краски, темные глаза смотрели вниз, в глубину. Она улыбалась и была похожа на довольного лягушонка. По контуру ее тела вспыхивали искорки солнечного света, как будто надо мной мерцало «Созвездие Лолиты».

Я вынырнул и зажмурился. У самых глаз искрилась вода, а Лолита уже плыла к берегу и кричала: «В этой реке водится рыба, которая питит! Ты заметил ее?»

Вернувшись к своим вещам, я увидел, что дети, усевшись на траву, рассматривают рисунки в моем альбоме. Там был и набросок их дома. Поняв, что рисунок нравится, я подарил его им. Они обрадовались и теперь, чувствуя себя со мной свободнее, стали интересоваться — кто я такой и что здесь делаю. Я рассказал, для чего мы приехали на практику, рассказал и про подарок, который меня послали искать.

— А что здесь можно найти? — удивился мальчик, оглядываясь вокруг.

— Смотрите, что я нашла! — воскликнула подошедшая к нам Лолита и высыпала из рук на траву несколько боровиков. — Андрис, давай суп варить.

Брат побежал с младшей сестрой домой. Вскоре они вернулись и занялись готовкой. Я решил, что это просто игра, но вот запылал костер, что-то забулькало в котле. Они сообща колдовали над ним, и вскоре вместе с дымком меня окутал соблазнительный аромат. Пока суп варился, дети купались в реке. Только иногда то Лолита, то ее сестра подбегали к котлу, чтобы попробовать суп большой деревянной ложкой.

Солнце уходило за лес. По полю низко стелился дым костра, то золотистый на солнце, то голубой, когда солнце скрывала выползающая из-за леса грозовая туча. Далеко разносились хлопки по мячу, детский смех, плеск воды, лай собаки... Иногда слышались далекие раскаты грома.

Наконец суп был готов, дети позвали меня к котлу и дали миску, ложку и кусок черного хлеба. Как вкусно!.. Пес смотрел, как мы едим, и облизывался, дожидаясь, пока остынет его порция.

Небо быстро закрыла грозовая туча, под ней сверкали молнии, и казалось, туча движется на тонких сверкающих ножках. Поднялся ветер, и послышался шум приближающегося дождя. Мы залезли в огромный стог, который оказался вовсе и не стогом, а, скорее, шалашом, шатром. Сено внутри было примято, накрыто рогожей и надувными матрасами. Над головой на поперечной балке висел электрический фонарь. Снаружи бушевала гроза, а здесь было тепло, сухо и уютно. Когда все удобно устроились на матрасах, младшая сестренка уселась верхом на Лолиту. Андрис, доедая кусок хлеба, вдруг спросил:

- А почему рисуют? Ведь можно сделать фотографию.
- А что тебе больше понравилось бы, рисунок твоего дома или фотография? — спросил я.
- Рисунок лучше.
- Почему?
- Ну... это трудно сделать. Это человек делает сам, руками... я и не знаю, как сказать.
- А если бы тебе предложили настоящий арбуз и искусственный, который сделал человек, но совсем как настоящий. Что бы ты выбрал?
- Настоящий, конечно, лучше.
- Значит, дело не в том. Понимаешь, картина — это не копия. Это другой взгляд на что-то привычное.
- Как это — другой взгляд? — спросил Андрис.
- Ну, вот расскажи, как вы живете тут осенью?
- Осенью много работы.
- Осенью очень скучно, холодно и печально, — сказала Лолита.
- Вот смотрите, — я достал из сумки маленький томик. — Это стихи, это тоже картины, но только нарисованы они не красками, а словами. Послушайте. Вам все это будет знакомо.
- Я закрою глаза и буду представлять, что это картина, — сказала Лолита, зажмурившись. Сестренка, скатившись с нее, примостилась рядом и тоже закрыла ладошками глаза.
- Да, так даже лучше, — и я, опасаясь, что стихи окажутся сложны для них, стал медленно читать:

Моя печаль все шепчет мне
О днях осеннего ненастья,
Что краше не бывает дней —
Деревья голые в окне,
Луг, порыжевший в одночасье...

Все шепчет мне, что осень — рай.
Все хочет повести с собою:
Как тихо после птичьих стай!
Как славно стынет сонный край,
Одетый звонкой сединою.

Нагие сучья на ветру,
Туманы, вязкая земля —
И снова шепчет: все к добру,
И если я глаза протру,
То не смогу не согласиться.

Как объяснить, что не вчера
Я полюбил ноябрь тоскливый.
И стоит ли... Моя сестра,
Печаль... Ненастная пора
Со слов твоих — вдвойне красивей.

- Кто это написал? — спросила удивленно Лолита. — Это так красиво!
- Есть такой поэт — Роберт Фрост.

— Этот Роберт Фрост как будто знает наши места! — воскликнула Лолита, вскакивая на колени. — Я все это видела осенью!

— Все как настоящее, — согласился Андрис.

— Нет. Немножко другое, — произнесла задумчиво Лолита. — Осенью так холодно и сыро! Я помню, как встречала папу и промочила ноги, а потом у меня болела голова, тошнило, а в окно стучал дождь. А в стихотворении все то же самое, но так хорошо! Я хочу это стихотворение. Напиши его мне.

— Я подарю тебе всю эту книгу, если тебе нравится, — и я протянул томик Лолите.

— Спасибо! — улыбнулась она и прижала книгу к себе.

Но вот кончился дождь. Брат с младшей сестренкой побежали к хутору. Следом за ними с лаем понесся пес, а Лолита, придвинувшись ко мне, заговорщически прошептала: «Пойдем, я покажу тебе такое, что ты еще не рисовал».

В темноте мы прошли вдоль реки, мимо хутора и углубились в лес. Здесь пахло грибами.

— А почему ты с сестрой говорила по-английски? — спросил я Лолиту.

— Пусть учится. Я тоже учусь, и мне это нравится. Я хочу знать много языков. А как я говорю по-русски? Не смешно?

— Ты говоришь очень хорошо!

— Вот мы и пришли.

Лолита остановилась у высокой сосны. Ветви начинались очень низко, по ним легко было взбираться наверх. Она встала на нижнюю и ловко полезла на дерево.

— Давай залезай! — послышался сверху ее голос. — Только не становись на сломанные ветки.

Я карабкался за ней, мне стало интересно, что же она хочет мне показать. Лолита забиралась все выше, на голову мне сыпалась тонкая сосновая шелуха. Я чувствовал, что дерево качается. Наконец я увидел девочку. Она сидела в кресле из досок, устроенном среди ветвей. В развилке сосны было второе кресло. Я сел рядом. Она вдруг засунула руку в дупло и вытащила пачку сигарет.

— Это — Андриса, — пояснила она, заметив мой удивленный взгляд, и сунула руку в дупло еще глубже.

— Ты искал подарок. У меня есть то, что тебе надо. Смотри, — сказала она, протягивая мне что-то. — Это приносит счастье!

На мою ладонь легла совершенно новая подкова.

— Это должно понравиться. Ты только объясни, что подкову надо прибить над дверью, — посоветовала Лолита.

— Спасибо! Неожиданный подарок.

— А ты будешь сегодня ночевать с нами в стогу? — спросила Лолита.

— Похоже, придется. Опять гроза приближается. А вы ночуете в шалаше?

— Когда тепло. А утром я принесу еще одну подкову. Тебе.

— Здорово! Я прибью ее к этюднику.

— У тебя тогда получатся хорошие картины, — заключила она и, помолчав, добавила: — С подковой ты уже про нас не забудешь.

— Как можно забыть тех, с кем спишь в одном стогу! Но что же ты хотела мне показать?

Черная туча над нами растекалась по небу, словно тушь по мокрой бумаге, поднимался ветер, и дерево качалось все сильнее.

— Посмотри.

Далеко, за деревьями, тускло светился изгиб реки, а дальше тонули во мраке поля. Небо у горизонта было подсвечено таинственным светом, и там под этим небом лежало море огоньков.

— Там большой город, — сказала Лолита. — Как высоко надо подняться, чтобы увидеть его! Правда, похоже на угли в костре или на торт со свечками, когда его вносят в темную комнату?

Мы сидели в тишине и смотрели на свет далекого города. Дул ветер, и мы покачивались высоко над землей в наших креслах. Скрипели деревья, между ветвями, трепеща крылышками, носились летучие мыши. Лолита отщипнула кусочек смолы от ствола и протянула мне.

— Нравится, как пахнет смола? — спросила она. — А еще очень вкусно пахнет березовый листок, если его размять в пальцах. Попробуй когда-нибудь.

В темноте едва виднелось ее лицо, она смотрела на далекий город, и мне показалось, что она улыбается. И я подумал: неужели когда-нибудь, через много лет, всего этого не будет? Ни этого лета, ни нас с ней в ночи на этом дереве, ни этой дали с заманчивым светом огней как символа того, что вся жизнь у нас впереди. И придет это воспоминание как свет потухшей звезды, которой давно уже нет. Но сейчас все это было! Я глубоко вдыхал свежий воздух, пахнувший рекой и хвоей. Все сильнее качалось дерево, оглушительно-грозно, словно ночное море, шумели на ветру черные вершины деревьев вокруг нас.

— Надо спускаться, — громко сказал я. — Скоро опять будет гроза.

— Хорошо. Но сначала прочитай еще какое-нибудь стихотворение Роберта Фроста, — послышался из темноты голос Лолиты. Ее волосы развевались на ветру, рукой она прикрывала лицо от летящих с ветром сосновых иголок.

— Ну, слушай. Если какие-нибудь слова не поймешь, то я объясню.

«Я очень далеко забрел, гуляя,
Сегодня днем,
Вокруг
Стояла тишина такая...
Я наклонился над цветком,
И вдруг
Услышал голос твой, и ты сказала —
Нет, я ослышаться не мог,
Ты говорила с этого цветка
Ты помнишь ли свои слова?» —
«Нет, это ты их повтори сперва». —
«Найди цветок,
Страхнув с него жука
И осторожно взяв за стебелек,
Я уловил какой-то тихий звук,
Как будто шепот „приходи“». —
«Нет, погоди». —
«Не спорь, — ведь я расслышал хорошо!» —
«Я так могла подумать, но не вслух».

— Я все поняла! — засмеялась Лолита и, перестав держаться за дерево, раскинув руки, закричала: — Ты видишь, мы летим!

...Через двадцать лет, поздней осенью, я проезжал неподалеку от этих мест, и мне захотелось посмотреть, узнаю ли я там что-нибудь. Я словно вернулся в прошлое! Сохранилось все. Подошел к школе, где мы жили, но заходить в нее не стал, а поскорее

перешел дорогу и зашагал по стылой земле в сторону хутора, к реке. Было пасмурно, с моря дул холодный ветер и доносился монотонно-ровный рокот волн. Да, действительно, было «холодно и печально», как говорила Лолита. Неужели я сейчас увижу ее?

Подойдя к реке, я зашел на хутор, но там жили уже другие люди. Они сообщили, что очень давно, после шестого класса, Лолита уехала к родственнице в Ригу, там окончила школу и поступила в медицинский институт. После этого ее отец продал хутор, и вся семья перебралась в Ригу.

Я решил поискать дерево Лолиты, но не нашел его. Не удалось найти и то место, где я нырял в реку: берег зарос камышом, стал топким, и к воде нельзя было подойти. Все было и знакомо, и чуждо одновременно. Стал моросить мелкий дождь, и я решил вернуться к машине. Трава вокруг бессильно поникла, прибитая дождем. Я присел на корточки, заметив крохотный поздний цветок с белыми лепестками. Безымянный и жалкий, он продолжал жить, и вспомнились мне давние строки:

И осторожно взяв за стебелек,
Я уловил какой-то тихий звук,
Как будто шепот «приходи»...

* * *

За занавеской звякнул велосипедный звонок. Я выглянул в окно и увидел Лолиту. Она сидела на велосипеде в джинсах и черной майке, одна босая нога на педали, другая на земле, жмурилась от солнца и хрустела огурцом.

Волосы растрепаны больше обычного. Просто копна рыжих волос на голове, но в этой копне я заметил одну тоненькую косичку. Лолита в минуты задумчивости любила сосредоточенно ее заплетать. Сегодня она уже о чем-то размышляла.

— Ты слышал новость? На нас движется ураган! — возбужденно выпалила она. — Должен прийти вечером. По радио сказали. Идет из Швеции, там он повалил все, что мог.

— Представляю, что останется от вашего стога.

— Ураган траве не страшен, — философски заметила Лолита.

— Неплохо сказано!

— Ты когда-нибудь рисовал ураган?

— Никогда.

— Тебе повезло. Сегодня вечером будем смотреть его из первого ряда, как в нашем кинотеатре.

— Звучит заманчиво.

— Пойдешь купаться на море? Вода сегодня очень теплая.

— Я с утра хотел акварель сделать.

— Так и делай ее на море. И ты обещал научить меня рисовать, — напомнила она.

В тени лесной дороги, ведущей к морю, еще хранилась утренняя прохлада. Над головой, в высокой арке лип, гудели пчелы, пахло медом и морем. Лолита, побрякивая звонком, ехала на велосипеде неподалеку от меня по корням. Ветер дул с моря, до нас доносился его мерный рокот.

Я шел и думал: как же с ней легко! И как здорово, что она со всеми на «ты». И даже то, что ее тончайшие золотые волосы вечно растрепаны, ей очень идет. И еще я подумал: интересно, она чего-нибудь боится?

Когда мы подошли к воде, волны заискрились от солнца, и казалось, море зашумело громче. Чайки с криками кружились над нами. Лолита делала вид, что подбирает им что-то, и тогда птицы бросались к ней.

Справа виднелось широкое устье реки, высился среди дюн старый, покосившийся рыбацкий сарай, а у берега покачивалась на воде моторная лодка. Рядом, на песке, я заметил светловолосого мальчика лет пятнадцати. Он лежал на животе и читал книгу. Лолита подбежала к нему и вскочила ему на спину.

— Но! Но! — закричала она, подпрыгивая. — Сандис, отвезешь нас сегодня в море? Я тогда тебя поцелую!

— Нет, нет, — закричал он, но Лолита уже обхватила его сзади и прижалась губами к шее.

— Щекотно! Слезай с меня, — и Сандис сбросил ее на песок.

— Бежим купаться! — закричала Лолита, быстро стянула джинсы и, накинув свою майку на голову Сандиса, побежала к воде.

Я смотрел на Сандиса с изумлением — он катился, как веретено, по песку к воде. Потом заполз в море на руках и стал двигаться дальше, обдаваемый пеной волн, пока глубина не позволила плыть. И только тогда я понял: он не может ходить!

Лолита уже плескалась и махала мне руками. Вода была теплой, брызги били в лицо, солнце слепило глаза, кричали чайки, словно разделяли наш восторг, и, чувствуя соленые брызги на губах и жаркое солнце на лице, я подумал, что это, наверное, и есть счастье.

Когда мы вышли из воды, а Сандис выполз на берег, я отозвал Лолиту в сторонку.

— А что с ним? Он не может ходить? — спросил я тихо.

— Да. Он в детстве заболел, и вот такое произошло. Называется — осложнение. Отец привозит его сюда на машине. Но у Сандиса есть моторная лодка, и он может на ней плавать.

— Может, тебе не стоит так на нем прыгать?

Лолита взяла горсть песка и пустила его по ветру.

— Ты не думай, что я бесчувственная, — сказала она, посмотрев на меня серьезно. — С ним надо вести себя как со здоровым. Мне, может, иногда плакать хочется, а ему тем более. А если двоим хочется плакать, то надо смеяться!

Мы расположились на песке, достали из этюдника два планшета, накололи кнопками бумагу, и я раскрыл акварельные краски. Я посмотрел на море, на голубое небо в перистых облаках. Ветер сдувал песок, гнал его от воды, и казалось, что кто-то невидимый стягивает с берега тонкое песчаное покрывало.

— Повторяй то, что я буду делать. На картине у нас будет небо, море и часть берега на первом плане. Я прихватил кусочек простой восковой свечки. Там, где будет пена волн, пройдемся свечкой. Теперь смачиваешь весь лист водой. Отлично!

Лолита старательно выполняла то, что я говорил. Взгляд сосредоточенный, косичка зажата в зубах.

— Теперь, пока лист влажный, подбираем цвет неба и проводим кисточкой по верху листа. Поставь планшет вертикально, пусть краска стекает. Надо не только рисовать, но и правильно менять наклон листа. Пусть теперь наше небо подсохнет, и будем делать море.

А ветер тем временем действительно стал крепчать, и небо на горизонте хмуриться.

— Теперь делаем море, — продолжил я. — Бери этот цвет и поровнее проведи линию горизонта. Лолита, ты рисуешь горы.

— Я не могу ровно. Проведи ты.

Я взял ее руку и провел линию горизонта.

— Рисуем теперь море, вот этим цветом. Видишь, там, где прошли свечкой, краска не ложится. Получается настоящая пена.

— Неужели это я нарисовала?

— Ты. В следующий раз научу рисовать деревья.
— Рисовать, вообще-то, нетрудно, — заметила Лолита.
— Небо и море нетрудно. Есть вещи посложнее. Самое сложное — рисовать человека, его тело, лицо.

— Может, если ты покажешь, то у меня получится?
— Мы в море будем выходить или нет? — поинтересовался Сандис. — Как раз успе- ем до бури.

Мы помогли Сандису залезть в лодку и устроиться у мотора. Вдвоем они стали за- водить мотор. Делали они это ловко, как видно, не в первый раз.

Вскоре лодка запрыгала на волнах. Развевающиеся волосы Лолиты быстро высох- ли на ветру, она жмурилась и улыбалась.

— Ты чего-нибудь боишься, Лолита? — спросил я.

Она посмотрела на меня, перегнулась через борт, зачерпнула воды и плеснула мне в лицо.

Мы были уже далеко в море и взяли далеко вправо. Эти места мне были незнако- мы. Неожиданно Сандис заглушил мотор. Лодка остановилась и покачивалась на вол- нах. Лолита склонилась над водой, по ее лицу скользили солнечные блики.

— Ты знаешь, что Христос ходил по воде? — спросила она у меня.

— Конечно, знаю.

— Сейчас я пойду.

— Лолита, успокойся. Я верю, что ты можешь ходить по воде.

— Я только чуточку пройду, — сказала она и, прежде чем я успел ее остановить, прыгнула за борт.

Лолита стояла рядом с лодкой по плечи в воде и смеялась.

— Сандис, ты не рассчитал. Надо было левее, там мельче. Ну, давайте вылезайте. Это же так здорово — стоять посреди моря!

Я вылез из лодки. Действительно, мы стояли посреди моря! Белая лодка качалась рядом, пенистые волны толкали нас, белые чайки кричали в хмуращемся небе.

— Здесь маленький остров, — объяснила Лолита, — но сейчас прилив, и остров скрыт под водой. А во время отлива здесь можно причалить. Вон там самая высокая часть острова.

Мы поднялись на самый гребень островка, но и здесь волны били нам в колени.

— Я люблю тут бывать, — сказала Лолита. — Ты знаешь, ночью в поле или в лесу очень тихо. Но там тишина не полная. Кругом кипит ночная жизнь. А если во время отлива тихой ночью в полный штиль оказаться на этом острове, то можно узнать, что такое тишина. Она здесь полная, но при этом как будто звенит. Может, море отражает что-то от неба, звезд. Если будет такая ночь, мы приедем сюда.

— Смотрите! — крикнул Сандис и показал рукой в море. С моря, клубясь, быстро приближалась темная мгла. Подул холодный ветер.

— Давайте быстро к берегу, — сказал я.

— К берегу не успеем, да и нельзя, там камни, — кричал Сандис. Его голос заглуша- ли ветер и шум волн.

Мы с Лолитой залезли в прыгающую на волнах лодку.

— Надо к нашему кораблю, — крикнула Лолита и, повернувшись ко мне, добавила: — Здесь недалеко есть затонувший корабль.

Сандис развернул лодку и наперекор волнам направил ее в море. Волны били в бор- та, начался холодный мелкий дождь.

— Вон там, — крикнула Лолита, указывая вдаль.

— Вижу, — спокойно ответил Сандис и резко развернул лодку.

Сандис управлял уверенно, а Лолита была странно радостной, хотя и дрожала.

— Идет настоящий ураган! — с восторгом закричала она, обернувшись ко мне. — Вон затонувший корабль, мы на нем и укроемся. Он тут на мели с самой войны.

Впереди действительно виднелся выступающий из воды ржавый остов большого, севшего на мель корабля. Сандис подвел лодку со стороны берега — здесь волны были поменьше. Лолита влезла на низкую, заливаемую водой палубу первой и накинула цепь, брошенную Сандисом, на Т-образный железный выступ. Руки Сандиса оказались очень сильными, мы с Лолитой помогли ему заползти на палубу, а потом цепь отпустили, и лодка запрыгала на волнах метрах в десяти от корабля.

Рядом высилась покореженная рубка с верхней палубой. Мы залезли в отверстие, некогда бывшее дверью. Лолита устроилась между мной и Сандисом, ее била мелкая дрожь. Шквал дождя обрушился на корабль. С оглушительным треском прогремел гром. В гулком железном кубе рубки мы чуть не оглохли.

— А вдруг придет цунами?! — прошептала Лолита, подняв на меня круглые от страха глаза.

— Не фантазируй, — сказал я, — какое тут цунами?

И мы с Сандисом засмеялись.

Свист ветра перерос в рев.

— Ну, началось! — перекрывая шум моря, крикнул Сандис.

Привалившись спинами к металлической стенке рубки, мы чувствовали, как она прогибается под напором ветра. Снаружи резко потемнело, словно выключили свет. Тяжело было дышать от водяной пыли, наполнившей рубку.

— А что там с лодкой? — крикнул я Сандису.

— Лодка не потонет. Она как поплавок, но может разбиться о корабль.

Через полчаса ветер стал стихать, и вскоре стало совсем тихо. Вдали, для порядка, прогремел гром и выглянуло солнце. Мы лежали на теплом металле палубы и грелись на солнце.

— Хотелось бы увидеть тебя через много лет, Лолита. Интересно, кем ты станешь? — сказал я.

— Мне часто снилось, что я волшебница, — ответила она.

— И что же ты делала в сне? — спросил я, улыбнувшись.

— Я была в большом поле, — начала она. — и ко мне пришло много-много людей. Там были и взрослые, и дети. Очень много людей. До самого горизонта! — Лолита подумала немного и продолжила: — И все эти люди были несчастны. Они плакали, им было плохо. Но я, Волшебница Лолита, могла им помочь. Они приходили ко мне со слезами, а уходили спокойные и радостные. Вот самая лучшая профессия!

Стало очень тихо, только иногда волны бились о железный борт.

— Закройте глаза, — сказала она вдруг, — представьте, что мы видим нас сверху. Мы мысленно поднимаемся все выше и выше. Вон видите, мы лежим далеко внизу. Какие смешные! И какая я маленькая рядом с вами! Сандис, ты видишь меня? Я машу тебе рукой. Вот я толкаю тебя ногой. Видишь?

— Вижу, Лолита, — сказал он тихо.

— Сандис, а ты видишь, как ты далеко внизу шевелишь ногой? — спросила Лолита.

— Не знаю...

— Посмотри, вон далеко внизу ты встаешь. Ты видишь?

— Лолита, — прошептал Сандис, — смотри! Я стою!

Мы открыли глаза и увидели, что он стоит на коленях, упершись руками в палубу.

— Я могу! Смотрите, я могу стоять на коленях! — шептал он со слезами на глазах.

— Поднимайся, поднимайся! — сказала Лолита.

— Я не могу!

— Ты можешь! Закрой глаза. Снова посмотри на нас сверху. Мы все далеко внизу. Вон там внизу три человека стоят. Видишь, там есть какой-то парень. Ты его не знаешь. Если ему будет больно, то ты и не почувствуешь. Это совсем другой человек. Посмотри, мы берем его под руки и поднимаем...

Поддерживая Сандиса, даже с открытыми глазами я увидел вдруг нас всех далеко-далеко внизу. Увидел, как мы стоим на небольшом островке ржавого металла, а мимо несутся пенные ряды волн, и чайки застыли в воздухе, наполнив ветром широко раскрытые крылья. Я посмотрел на волны и понял, что у Лолиты глаза цвета моря, а волосы цвета заката. И сколько бы лет ни прошло, я никогда ее не забуду.

* * *

Солнечный июльский день. Мы идем с Лолитой через поле. Высокая, теплая трава хлещет нас по ногам, в ней жужжат пчелы и порой что-то попискивает. Поправляя на плече лямку этюдника, я замечаю косой взгляд Лолиты.

— Что-то давно не было у тебя хороших работ, — говорит она, покусывая травинку.

— Видать, у меня полоса такая, — вздыхаю я.

— Полоса? Это что — имя той девушки, что тебе пишет?

— Не остри, — сказал я, пытаясь щелкнуть ее по носу, но промазал.

— Я не острою, а сержусь! Что ни письмо от нее, так полоса у тебя начинается. О чем хоть она пишет?

— Лолита, о таком не спрашивают.

— Разве можно такие письма писать, чтобы настроение у человека портилось? — возмутилась она и отвернулась, покусывая тонкую, сплетенную по пути косичку. — Твоя полоса что-то очень длинная. Я поняла, в чем дело. Ты движешься не поперек полосы, а вдоль нее. Вот она и не кончается. Тебе надо менять направление, вот и выйдешь из своей полосы.

— И как же мне сменить направление?

— А вот так, ты собирался рисовать в лесу, так развернись и пойдешь рисовать на море. Вон там выход из полосы, — и она указала рукой в сторону синевшего вдаль моря.

— Как все, оказывается, просто!

Мы расположились на песке у моря, Лолита, раскинув руки, потянулась со счастливой улыбкой.

— Посмотри, — сказала она, обводя рукой окрестности, — хочешь море — вот тебе море, хочешь поле с коровами — вон тебе поле, что еще надо художнику?!

И, скинув джинсы и майку, побежала к воде. А я, достав из планшета бумагу, начал делать пастель.

Лолита не сразу зашла в воду, она поискала на берегу янтарь, бросила в ворону комок ила и только тогда, забежав в море, плюхнулась животом в воду. После каждого погружения она очень долго не показывалась из воды. Это меня нервировало и не давало сосредоточиться.

Я, лежа на песке, рассматривал готовую работу, как вдруг на нее упало несколько капель, и надо мной послышался голос Лолиты:

— На твоей пастели не хватает людей.

Я посмотрел на нее, всю в сверкающих каплях воды, а потом взглянул на свою работу.

— Да, ты права. Показать фокус? Смотри, я всего лишь пятью мазками пастели нарисую парня и девушку.

Лолита посмотрела на то, что у меня вышло, и одобрительно закивала.

— Похоже, а теперь поучи меня рисовать. Ты обещал.

— Хорошо. Давай представим, что я хочу тебя сейчас нарисовать.

— Давай, — согласилась она и села на песок рядом со мной.

— Ты сейчас вся в капельках воды. Давай с капельки и начнем. Я рисую округлый контур капельки. Теперь карандашом делаю фон, это тон твоего тела, на котором эта капля находится. Начинаем делать каплю. В своей верхней части она сливается с телом, но постепенно светлеет к середине, потом начинает снова темнеть, а в самом низу, где она закругляется, опять светлеет. Это должно быть самое светлое место в капле, тогда она будет круглой. Внизу, под каплей, делаем тень. Светлый край капли четко отделяется от тени. Это самое темное место в этой тени, но не черное, так как сквозь каплю проходит свет. Тень идет все ниже, светлеет, но заканчивается округлой, четкой формой. Вот капля и готова.

— Фу-ф! Ничего себе! Как, оказывается, сложно рисовать каплю!

— И это всего лишь капля. А ведь тебя рисовать я еще и не начал.

— Не надо начинать. Ты мне дай этот рисунок, и я буду учиться рисовать каплю.

А ведь и правда кончилась полоса! Я написал маслом море, небо, лес, и мне очень понравилось то, что получилось.

И тут Лолита потянула меня за руку.

— Пошли купаться.

На берегу работу оставлять нельзя: наметет песка в краску. Я дошел до поля и положил этюд маслом на траву. Так надежнее. Посмотрел на пасущихся коров, на быстро летящие облака и побежал к воде.

Мы плавали наперегонки, ныряли, кто дальше, и падали животами в воду. Потом на нас напала злобная оса, пришлось отбиваться от нее водой...

И тут я увидел, что в том месте, где лежит моя работа, ходят коровы. Да они же ее истопчут! Мы бросились к полю, с криками разогнали коров, подошли к моей картине и... замерли! Так благоговейно замирают в Лувре перед шедевром! Моя картина преобразилась! Небо, море — все было выполнено так смело, виртуозно! Но что же произошло?

— Я поняла, — сказала Лолита, — это корова полизала. А что! Неплохо у нее получилось!

— Потрясающе!

— Ой! Смотри!

И тут мы увидели, что из-за леса на нас стремительно надвигается темная грозовая туча. Озаряя ее снизу, сверкала молния, гремел далекий гром, на нос Лолите упала капля дождя.

— Вон ферма, бежим! — крикнула она.

Подхватив вещи, мы понеслись к ферме у леса. Только мы вбежали в дверь длинного кирпичного строения, как снаружи резко потемнело и по крыше зашумел ливень.

Мы оказались в свинарнике, и не менее сотни пятачков повернулись в нашу сторону. Вонь чуть не сбила меня с ног. Первой мыслью было — бежать отсюда, и как можно скорее, но шквал дождя еще более усилился.

Стараясь подавить тошноту и дыша только ртом, я подошел к двери и почувствовал, что меня тянут за рукав. Рядом стояла Лолита и с улыбкой, словно младенца, держала на руках поросенка.

— Смотри, какая прелесть, — сказала она, поворачивая его ко мне. — Правда, хорошенький! Смотри, какой у него пятачок розовенький! Хочешь его поцеловать? Я, когда была совсем маленькая, всегда хотела поцеловать поросенка в пятачок.

— Это какой-то... Льюис Кэрролл! Убери его от меня!

— Не хотят нас целовать, — вздохнула Лолита, — ну, ничего, пойдем к маме.

— С ума можно сойти! — прошептал я, опускаясь на шаткий ящик у двери. Но тут Лолита случайно задела низкий загон, он распахнулся, и целый выводок поросят с визгом пронесся по моей лежащей на земле работе. Лолита подняла ее и подошла ко мне.

— Взгляни, — сказала она, — море стало еще лучше! Посмотри сам.

Я посмотрел и, убедившись, что она права, провел ладонью по лицу, словно пытаюсь прогнать наваждение.

— Знаешь, — сказала Лолита, прищурившись, с видом эксперта, — все очень хорошо, но вот место в углу теперь слабовато выглядит. Давай я дам лизнуть в этом месте маме того поросеночка? Правда, станет гораздо лучше.

— Лолита, делай что хочешь, — махнул я устало рукой.

— Успокойся, — она присела рядом на ящик и участливо погладила меня по плечу. — Ты такой впечатлительный! У тебя ведь была полоса? Правда? А у них, — показала она на свиней, — у них не бывает никаких полос. У них всегда все получается.

— Лолита, у тебя... неправильное представление об искусстве.

Она подхватила пробежавшего мимо поросенка на руки и привалилась плечом к моему локтю.

— Но ведь главное — результат, — сказала она. — И работа твоя получилась очень хорошей.

— Знаешь, — сказал я, немного помолчав, — сегодня я понял, почему нам с тобой так хорошо. Потому, что двое ненормальных нашли друг друга.

— Это я тебя нашла, — поправила меня Лолита. — О!.. Смотри, вот и солнце показалось!..

* * *

Шум ветра в вершинах сосен наполнял лес тревожным гулом. Солнечные лучи веером пронизывали гулкое пространство леса, пятна света скользили по зарослям черники, озаряли бледное лицо Лолиты и ее светлую руку на грубой коре дерева.

— Рисуй быстрее! У меня муравей ползет под джинсами, — сказала Лолита.

— Так прихлопни его.

— Да?.. А потом и меня что-нибудь прихлопнет, — ответила Лолита, отколупнула от ствола дерева кусочек смолы и поднесла к носу. — Расскажи мне что-нибудь. А то мне скучно тебе позировать, стоя в муравейнике.

— Все, Лолита, я закончил. Можешь выходить из своего муравейника.

— Река совсем близко. Давай зайдем на заброшенный хутор и накопаем картошки, а на берегу запечем. У тебя есть спички?

К вечеру ветер стих. Над рекой повисла полоса тумана, в нем скользили по воде два лебедя. Туман скрывал их тела, видны были только две головки на тонких шеях. Они выплыли из тумана и приблизились к берегу, отражаясь в тихой воде, как в зеркале, но вот один коснулся клювом неподвижной воды и разбил свое отражение.

Мы с Лолитой вытащили из камыша десятиметровый шест, составленный из связанных между собой тонких стволов молодой осины. На конце была прикреплена закрытая пластиковая бутылка, она служила поплавком и не давала шесту тонуть. Там же был вбит гвоздь с откушенной шляпкой. На этот гвоздь я надел петельку сетки-трехстенки и стал заводить шест в воду. Лолита аккуратно подавала мне сетку. Выведя в реку все десять метров сети, я потрянул кончиком шеста и сбросил петельку с гвоздя. Груз, укрепленный понизу сетки, растянул ее, и она встала у дна вертикально. Так, без лодки, мы поставили десятиметровую сетку-трехстенку.

Вернувшись к костру, Лолита палочкой разгребла угли и выкатила из жара испеченный картофель. На ее лице играли отсветы огня, и на кончиках волос вспыхивали золотые искорки. В небе одна за другой зажигались звезды.

— Лолита, — тихо сказал я.

Она некоторое время смотрела на огонь, а потом медленно подняла на меня глаза.

— Лолита, расскажи мне что-нибудь.

— Что тебе рассказать?

— Что-нибудь про жизнь, — улыбнулся я.

— Хорошо. Я расскажу тебе про встречу, — начала она и остановилась, задумавшись. — Это было прошлым летом, там... чуть дальше по реке. Я пришла туда однажды днем, чтобы проверить сетку, которую растянул брат. Я уже хотела уходить, как вдруг услышала шум подъехавшей машины. Там, неподалеку, была лесная дорога... Показались трое мужчин. Они устроились на поляне, среди камышей и зажгли костер...

Лолита замолчала, глядя на огонь.

— Они все время поглядывали на меня, и мне стало неудобно, — продолжала она, посмотрев на меня сквозь рыжие волосы. — Там был один здоровый и лысый. Он подошел ко мне, схватил за волосы, накрутил их на руку и дернул так, что я упала перед ним на колени. Я укусила его за руку, которой он держал меня за волосы, а он прошипел мне прямо в лицо: «Сейчас я тебя убивать буду!» И тут я почувствовала, что меня вроде как толкнули в голову... а через миг я открыла глаза, и поняла, что лежу на траве, в глазах мутно, и очень болит голова. Я услышала тихий голос: «Ты в Раю! Ты в Раю!» Я увидела над собой бездонное синее небо, какого никогда в жизни не видела! Мне показалось, что я и вправду в Раю... Но вдруг надо мной появилось лицо того, лысого, он засмеялся: «Смотри, а мы и здесь есть!» А потом за волосы потащил к костру, туда, где сидели его дружки, и толкнул на одеяло, которое они на траве расстелили...

Лолита замолчала, откусила кусочек печеной картошки, вяло разжевала и снова заговорила.

— Мне было очень страшно... Так страшно, что кружилась голова... До этого я не знала, что люди могут быть такими. Но тут я почувствовала чье-то присутствие за спиной... Я даже заметила что-то странное в кустах — край одежды... что-то в полопочку... странное. Я подумала, что теперь, при постороннем человеке, они мне ничего не сделают. Встала, оглянулась на кусты, но больше ничего там не увидела. Это всего лишь, показалось мне. Я поняла, что никто мне не поможет. И все же я стояла какая-то совсем другая. Страха больше не было. Была... страшная злость! Боже, какая у меня была злость! Я такой злой еще никогда не была. И я сказала им...

Лолита, с трудом сглотнув, склонила голову, спрятав лицо в волосах.

— Что ты сказала? — спросил я тихо.

— Я сказала им то, что слышала однажды от своей бабушки. Сказала, что тот, кто меня тронет, не проживет и трех дней... Я хотела их испугать.

Лолита откинула волосы с лица, чуть задев щеку, от чего на ней осталась черная полоса от испачканных в углях пальцев. Костер ярко пылал, ослепляя нас и делая ночь вокруг еще чернее. У берега в темноте призрачно светлели два замерших лебедя.

— Я пошла мимо них и удивилась, что никто не попытался остановить меня. Что-то было странное, я не могла понять что, а потом увидела. Там, где они стояли, ни одна камышинка не шевелилась, а вокруг меня ветер качал траву. И тут лысый крикнул: «Демон! У меня теперь в ушах звенит от тебя!» Но мне не было его жалко. Я еще сильнее сжала зубы от злости, а он схватился за голову руками и опустил на траву... Никто из них не пошевелился. А я потом долго бежала по лесу...

— Бедная Лолита! Не думал, что ты такое расскажешь.

— Но ты ведь не думаешь теперь обо мне плохо? Я не злая. Но я знаю теперь, что есть... темные, они понимают только темный язык.

Мы проверили сетку, вытащили из ближайших ячеек несколько линий и пустили их в садок. Потом подкатили к костру два обломка березового ствола, чтобы огонь горел всю ночь.

Мы сидели у костра под высокой сосной и смотрели на звезды между черными ветвями.

— Ты не устала? — спросил я.

— Я никогда не устаю. Если я устаю, то всегда могу получить силу, — ответила Лолита.

— Как?

— У человека есть сила, и точно такая же сила есть у всего вокруг нас. У камня, цветка, дерева! Вот выбери себе дерево, — сказала Лолита. — Видишь, как много деревьев: целый лес, целый мир деревьев, но тебе надо выбрать только одно.

— Вот это, — сказал я, показывая на дерево, под которым мы сидели.

— Это старое дерево. Как думаешь, сколько ему лет? — спросила она.

— Лет восемьдесят. А может, и больше.

— Столько времени оно растет, и только теперь, впервые за всю жизнь, его заметили. Ты понимаешь, каким одиноким было это дерево! А теперь скажи, ты можешь полюбить его?

— Полюбить дерево?

— Если сможешь его полюбить, то оно даст тебе силу.

Из темноты, из самой глубины леса, донесся странный, мерный стук. Казалось, что кто-то бьет большой костью о кость.

— Что это может быть? — сказал я.

— Кажется, приближается.

— Да...

Стук приближался, был он странным, зловещим.

— Не люблю, когда меня пугают, — сказала Лолита. — Ой, смотри, кто к нам пришел!

Я увидел, как она протянула в полутьму руку и дотронулась до иголок подбравшегося к нам ежика. Тот фыркнул, свернулся в клубок, но постепенно осмелел, высунул черный носик и коснулся им пальца Лолиты.

— Ежик, — прошептала она, — не уходи.

А потом еще раз прислушалась к стуку, провела руками над пламенем костра и, приложив ладони ко рту, закричала в темноту: «Э-э-э-эй!..»

Эхо разнеслось над рекой. Стук стих.

Я видел щеку Лолиты, испачканную золой, и мне показалось, что в глазах ее блеснули слезы.

— Ты хотел рассказать про меня, о том, что будет когда-нибудь со мной, — сказала она.

— Да, конечно... Расскажу. Однажды ты в первый раз увидишь глаза этого человека. Ведь это же будет?

— Да, увижу, — прошептала Лолита.

— В первый раз услышишь его голос и узнаешь, как его зовут. И еще будет миг, когда он впервые назовет тебя по имени...

— Да, — едва слышно выдохнула она.

— А еще когда-то в первый раз он коснется тебя рукой...

Она коснулась рукой своих волос.

— Лолита, — позвал я ее.

— Что? — глухо отозвалась она.

— Улыбнись. Все хорошо!..

Она посмотрела на меня и, коснувшись кончиками пальцев уголков своих губ, растянула их в улыбку. Потрескивал костер, искры взлетали ввысь и гасли среди звезд.. На середине реки, в тумане, ударила большая рыба, лебедь в темноте расправил крылья, захлопал ими и, изогнув шею, положил голову на крыло.

Мы снова проверили сеть, а потом легли у костра на сено, накрытое холстиной. Лолита лежала спиной ко мне, лицом к костру. Засыпая, я видел, как она опять коснулась рукой ежика, который все еще сидел возле нее.

— Ежик, — прошептала Лолита едва слышно, — не уходи. Я хочу спать, а здесь могут быть змеи. Не уходи!.. Посторожи нас! Я устала... Я очень-очень устала!..

* * *

Почувствовав тепло на лице, я приоткрыл глаза, и меня ослепил луч солнца, проравшийся сквозь ветви сосны, под которой я лежал.

— Вставай, лежебока. Смотри, сколько я земляники собрала! — сказала Лолита и укусила красную ягоду. — Вода в реке очень теплая.

Она сидела против солнца, лицо ее было в прохладной тени, а контур сбившихся рыжих волос был очерчен золотым ореолом.

С пронзительным писком пронеслись над нами ласточки, а теплый ветер, зашелев в камышах, донес свежий аромат реки.

Лолита, скидывая на бегу одежду, плюхнулась в воду в вихре сверкающих капель.

— Ну вот, всю рыбу распугала! — крикнул я ей. — Осторожно, не попадись на крючок!..

— Я золотая рыбка! — воскликнула она, шлепая руками по воде. — Могу исполнить три желания.

— У меня нет желаний! — крикнул я и нырнул. Я увидел кружево солнечных зайчиков, скользящих по песчаному дну, и стайку серебристых уклек, блеснувшую на солнце. Я проплыл над самым дном, рассмотрел несколько ракушек, а когда вынырнул, Лолита плеснула мне в лицо водой.

— Почему ты отказываешься от желаний? Например, разве ты не хочешь, чтобы я была счастливой?

— Хочу. Да... Это мое первое желание. Я хочу, чтобы ты была счастливой.

— Посмотри! — показала Лолита на небо за моей спиной. — Две радуги! Это счастливый знак. Загадывай скорее, а то радуги исчезнут!

— Я хочу, чтобы мы жили долго-долго.

— А третье желание?

— Я хочу, чтобы мы друг друга не потеряли.

Мы нырнули, я видел перед собой улыбающееся лицо Лолиты и опять подумал, как в первый день нашей встречи: она — маленький довольный лягушонок. Сверкающие пузырьки воздуха соскальзывали с уголков ее губ и, переплетаясь, устремлялись вверх. Между нами проплыла стайка крохотных мальков, она протянула к ним руку, и они проплыли между ее пальцами.

Когда мы вынырнули, двойной радуги уже не было.

— Давай я тебе что-то покажу, — сказала Лолита, — для этого надо проплыть чуть дальше вдоль берега.

И она поплыла мимо высоких камышей, склонявшихся над ней под порывами теплого ветра. В камышах кипела жизнь: что-то попискивало, хлюпало, деловито шуршало, ломая сухие стебли.

— Здесь много гнезд, — объяснила Лолита, — а еще живут выдры и бобры. Видишь протоку? — спросила она, когда мы проплывали у расступившихся камышей, в глубину которых уходила узкая водяная тропа. — Там бобровая плотина. Хорошо устроились, никто туда не заглядывает. Бобры и выдры умные, они и в сетку не попадают.

— А куда мы плывем?

— Сейчас узнаешь. Уже скоро, — ответила она и поплыла дальше. Кончики ее рыжих волос потемнели от воды и липли к белым плечам, когда она показывалась над водой. Мы проплыли мимо белых кувшинок на плоских круглых листьях. Здесь плыть было тяжелее: ноги путались под водой в длинных стеблях. Рядом с нами, крикая, проплыла утка с выводком утят. Один утенок подплыл совсем близко к нам и стал клювиком смешно хлюпать в ряске.

Несколько белых бабочек кружились над водой, одна из них упала в воду, но тут же снова взлетела... Так приятно было плыть и чувствовать себя частью этого мира. Камыши шелестели, солнце припекало голову, и, чем дальше мы плыли вдоль берега, тем больше видели в камышах гнезд с птенцами. Они попискивали, карабкались друг на друга. Никто нас не боялся, и это было так здорово! Лолита заглядывала в гнезда, с улыбкой кивала мне и плыла все дальше и дальше. Тяжелый, толстый шмель с трудом прогудел над самой водой, облетел нас несколько раз, словно разглядывая, и направился к противоположному берегу реки, а мы с Лолитой переглянулись и, кажется, подумали одно и то же: неужели толстяк долетит? А на мелководье прошла с шипением полоса ряби от мальков, бросившихся врассыпную от окуня.

— Лолита! — позвал я, но она не оглянулась и плыла дальше.

— Тихо! — прошептала она. — Здесь нельзя шуметь. Видишь, сколько зверушек! Не будем их пугать. Посмотри, вон плывет уж.

И я увидел, как, подняв над водой маленькую головку, вертко скользил по поверхности воды маленький уж.

Но вот камыши кончились, и мы оказались у покосившегося забора из жердей на самом краю берега. Дальше за забором виднелись заросший сад и развалины каменного дома. Узловатые, поросшие мхом ветви старой яблони свешивались через почерневшие жерди забора и, касаясь воды, образовывали большую зеленую арку, в которую мы с Лолитой заплыли. Протянув руку вверх, она сорвала маленькое красное яблочко, ими было усеяно все дерево.

— Попробуй, — сказала Лолита. — Это райские яблоки, они маленькие, но очень сладкие.

Я, одной рукой держась за ветвь, надкусил яблоко... Никогда я не ел таких сочных маленьких яблок. В зеленой тени дерева мы срывали яблоки, кусали их и кидались огрызками, ветер шумел листвой над нашими головами.

Лолита подплыла ко мне и ухватилась за мои плечи. Глаза ее смеялись.

— Правда здорово? — спросила она.

— Невероятно! Я никогда не ел яблоки, не выходя из реки.

— Я знала, что тебе понравится.

Неожиданно поверхность воды с шипением закипела от пронизанного солнцем теплого ливня. Капли прорывались сквозь листву, стекали по лицу Лолиты, и в каждой капле светилось маленькое солнце. Она тряхнула ветку, и на нас вместе с дождем посыпались яблоки. Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался, и тут же на листе кувшинки громко квакнула лягушка, привстала на передних лапках, покачалась, словно делая гимнастику, и прыгнула в воду.

— Лезем на берег, — сказала Лолита, — только здесь он крутой, надо за забор хвататься. Давай ты первый.

Подтянувшись, я вылез из воды и помог Лолите. Обходя кусты разросшегося крыжовника, мы по пояс в высокой траве пробрались к каменной разрушенной стене старого дома с торчащими из провала крыши полусгнившими стропилами.

— Какие большие камни, — сказала Лолита, прищулив один глаз на солнце и привалившись к стене. — Смог бы такой камень поднять?

— Один бы не смог.

— Сколько сил когда-то потратили, чтобы построить эти стены, а теперь они разрушены... — Она задумалась и посмотрела на меня. — Ты сегодня не рисуешь. Почему?

— Я запоминаю, а потом нарисую.

— Я тоже хочу запомнить сегодняшний день, — сказала она. — Хочу запомнить двойную радугу.

Лолита коснулась рукой голубого цветка.

— Однажды мне в голову пришло стихотворение. Рассказать?

Я молча кивнул и сел рядом с ней. Нас обдувал теплый ветер, над высокой травой носились стрекозы, а мы сидели в рваной тени яблони, солнечные лучи пронизывали листву старого, узловатого дерева и слепили глаза.

— Только я не умею писать стихи, это глупое, детское стихотворение. Вот такое:

Тихо скрипнув дверью,
Появился он.
Я чуть испугалась,
Это ведь мой сон.
А во сне, известно,
Страшно иногда,
Словом, испугалась,
Глядя на слона.

Слон понял, смутился,
Сжался он, как смог,
Медленно уселся
Возле самых ног.
— Посмотри, малышка,
Разве страшный я?
Ты меня не бойся,
Милая моя.

Днем стальная клетка
Давит на меня,
Лишь во сне твоём
На свободе я.

Мы немного посидели молча. Лолита плела тонкую косичку и покусывала губу.

— Что же это за слон? — спросил я. — Что он значит?

— Это просто слон, — улыбнулась она и отбросила травинку. — Я покажу тебе еще много интересного, а ты запоминай... Знаешь, как надо запоминать? Для этого надо закрыть глаза. Закрой. Чувствуешь, какой теплый ветер? Он пахнет медом, камышом и рекой. А теперь открой глаза. Видишь все вокруг? Мне кажется, что всего, что мы видим, не может быть. Не может быть солнца, но оно есть... Не может быть огромного неба, но вот оно — над нами! А сколько воздуха!.. Его так много, что невозможно весь

вдохнуть. И весь день еще впереди... И все лето, и вся жизнь... Когда я не забываю об этом, я чувствую, что это и есть — счастье.

* * *

- Лолита, ты зачем на рыбалку подушку взяла?
- Сидеть на ней буду, очень удобно.
- Хм, ну ты и рыболов!
- Тише!.. Рыба очень чуткая. А какая сегодня тишина! Смотри, все камыши замерли, а вон та высокая камышина дергается.
- Наверное, там гнездо или выдра живет.
- Как ты думаешь, то, что написано в Библии, — правда?
- Да. А почему ты спросила?
- Там сказано, что все люди — грешные... Я сейчас подумала об этом и пытаюсь вспомнить свои грехи.
- У детей нет грехов.
- А я уже не «дети»... Или как правильно по-русски?.. Я не ребенок. Я хочу вспомнить свои грехи и не могу. У меня даже голова разболелась.
- Выкинь из головы. Это у тебя от солнца голова разболелась.
- Знаешь, что я придумала, давай сегодня ночью пойдем красть вишни у Зенты?
- У тебя самой во дворе есть вишни.
- Мне хочется украсть, сделать грех и успокоиться. Понимаешь? Вечно она меня ругает, говорит, что я злая и бессердечная. И тогда я смогу выкинуть это из головы... Не хочешь? Тогда... Знаешь, мы с тобой еще никогда не ссорились. Давай-ка я тебя обижу? Ты на что больше всего обижаешься?
- Не знаю. Наверное, когда мне говорят какую-нибудь грубость.
- Давай попробуем. Мне иногда кажется, что ты дурак.
- Мне тоже так иногда кажется.
- Ты не обиделся?
- Я же знаю, что ты не по-настоящему это говоришь.
- Тогда вот что скажу... Ты — трус!
- Когда же это я струсил?
- Не скажу. Но было два раза.
- Ну и не говори.
- Мне кажется, что теперь ты обиделся.
- Лолита, это смешно. Оттяни немного поплавок, а то в лилиях запутается.
- Хо-ро-шо... Тогда скажем так... А чего это вы, русские, такие тупые, что никак не можете латышский язык выучить?
- ?!
- О! Обиделся! Слава богу, я тебя обидела. Честно, мне сразу легче стало. Правда.
- Вовсе мы не тупые.
- Да ладно, будешь теперь весь день дуться. Я же не для того сказала. Эх, смешной!.. Не сердись. Я ведь неправду сказала. Это совсем не то, что думаю на самом деле. Пусть это и будет мой грех. Но... скажи и ты мне какую-нибудь неправду. И тогда мы будем... Забыла это смешное русское слово.
- Квиты.
- Да. Мы будем квиты. Скажи...
- Ты самая злая и самая бессердечная!
- Какие хорошие слова ты мне сейчас сказал! Никто и никогда не говорил мне таких чудесных слов! Хотя нет, Зента говорила. А ты правда больше на меня не сердись?..

* * *

Акварельные краски, бумага, планшет, кисти, банка с водой... Кажется, ничего не забыл.

Утро встретило меня криками петухов и волнующим шумом высоких лип над сельской улицей, забрызганной пятнами солнечного света.

Из-за заборов грузно свисали ветви с сочными мазками красных яблок. Идя по дороге в мельтешении пятен тени и света, я сорвал несколько теплых красных яблок и положил их в сумку. Навстречу мне по дороге бежала зигзагами рыжая дворняга с такими длинными ушами, что они чуть не тащились по пыльной земле. Обегая полукругом, она опасливо взглянула на меня.

А в траве у забора, в тени большого куста папоротника, лежал полосатый кот и следил за мной, прищурив глаза. Я остановился, кот чуть приоткрыл глаза, я сделал к нему шаг, кот раскрыл глаза еще шире и нервно дернул кончиком хвоста. В его взгляде я почувствовал ненависть.

Я свернул на поляну, пеструю от белых, синих и желтых цветов, и пошел по тропинке, стараясь не наступать на муравьев. Ласточки с писком носились высоко в небе, шумели на ветру верхушки берез, полукольцом окружавших поляну, а впереди ослепительно блестела река. Повеяло сладковатым запахом камыша.

Где-то надо остановиться, думал я, идя вдоль берега. До обеда сделаю акварель, а потом набросаю парочку старых сараев. Мне очень нравится их рисовать — почерневшие от времени доски, в тени, под крышей, крытой толстым слоем камыша, жерди, весла, мотки веревки, покосившиеся, трухлявые лавочки, древние кувшины... В темные проемы окон залетают яркие бабочки. Так хорошо сидеть одному в высокой теплой траве в тишине среди сараев-призраков! Так спокойно становится на душе, и можно ни о чем не думать. Все замирает вокруг, напоенное солнечным теплом, и кажется, что остановилось время.

Впереди, у камышей, я увидел Тамару. Она входила в сборную Латвии по слалому, но я никогда не видел ее на лыжах. Только когда в Академии художеств время от времени появлялись сообщения о ее успехах, удивленно смотрел на нее — спокойную, стройную и такую красивую.

Тамара что-то искала у самой воды, чуть придерживая свисающие вниз темно-каштановые волосы..

— Виталик, если увидишь плоские, круглые, как пуговицы, камешки, собирай. Они мне очень нужны, я делаю новую куклу, — сказала она.

— Что за кукла? — спросил я, опуская этюдник на траву.

— Придумала одну неведомую зверушку. Увидишь потом. А еще хочу сделать ведьму, но забавную.

— Злых кукол не делаешь? — спросил я.

— Злых кукол нельзя делать... Через злые куклы в мир может проникать что-то очень плохое. Была у меня парочка таких кукол... я их сожгла — неприятности начались. Вот так! Смотри, какие красивые камни я собрала!

— Очень красивые, Лолита. Ой, извини! Оговорился.

— Да ладно. Кстати, у меня для нее сюрприз — я сделала куклу Лолиту. Хочешь, подарим ей сегодня.

— Давай, она очень обрадуется!

— Но если честно, мне трудно было делать ее куклу. Внешнее сходство передать легко, но вот характер... Трудно его уловить, она бывает такой разной... Мне очень хочется ее обрадовать, она мне так помогала.

Я расположился на траве и стал рисовать воду, отражающую белые облака. Тамара села неподалеку и разложила на своем этюднике найденные камешки. Полюбовавшись ими, обхватила руками колени и положила на них голову.

— Вчера мне приснился Янис, — сказала тихо.

Янис, Ян или Джон. Он был ее парнем и погиб прямо в здании Академии художеств, съезжая по перилам лестницы. Он не удержал равновесие и сорвался в лестничный пролет.

— Мне приснилось, — продолжала она, — что зазвонил телефон, я подняла трубку и услышала его голос. Спокойно и медленно он сказал: «Тамара, поздравляю тебя с днем рождения!» А я... спросила его: «Как ты?» Но он ничего не ответил. Странно!.. Ведь мой день рождения был давно, в январе... Или «там», где он теперь, не существует времени?

— Тамара...

— Что?

— Я... найду тебе очень красивые камни. Вот увидишь.

Тамара, поднявшись, пошла дальше по берегу, а я, закончив акварель, лег на траву и зарылся в нее лицом. Перед глазами были таинственные заросли, из их глубины слышалось гудение пчел. Казалось, что это древний, доисторический мир, в котором еще нет человека, а обитают страшные чудовища, покачиваются гигантские стволы ромашек, простираются над головой широченные навесы папоротника и таится в тени пушистый мох. И как много здесь страшных существ с клешнями, выпученными глазами, усами! Как хорошо уйти сюда, в глубину трав, и спрятаться от всех, замереть и погрузиться в полуденную дрему...

Мы сидели втроем на крыльце дома Лолиты.

— Хотите есть? — спросила вдруг она. — Хотите черный хлеб с молоком? У нас есть вкусный черный хлеб с хрустящей корочкой.

Через несколько минут мы все трое ели хлеб и запивали его молоком из больших кружек.

— Лолита, у меня для тебя сюрприз, — сказала Тамара, доставая из сумки куклу.

— Ой! — выдохнула Лолита.

— Тебе нравится?

— Ой!

— Что ты ойкаешь? — улыбнулась Тамара.

— Я забыла все слова! Какая она!.. Это же я! Но я не такая красивая, как она... И джинсы, и кеды — мои! Спасибо, Тамара! Спасибо! А у меня тоже для вас сюрприз. Я договорилась с соседкой Ингой, что вы нарисуете ее дом, и она заплатит вам деньги. И старый Карл хочет картину со своим домом!.. Тут многие захотят, я поговорю, мне проще по-латышски договориться.

— Здорово! — сказал я.

— У нас будет много денег, — обрадовалась Лолита. — И мы устроим... устроим...

— Пир, — подсказал я.

— Да! — радостно согласилась Лолита. — А что это такое?

— Будет здорово, — заверил я ее.

— Как солнце светит, — прикрыла рукой глаза Тамара. — Такое золотое на закате!

— Всё вокруг сейчас, как в считалке: «На золотом крыльце сидели...»

— Действительно, как в считалке — сидим на золотом крыльце, — улыбнулась ей Тамара.

— Давайте поскорее рисовать дом Инги! — вскочила Лолита. — Давайте поскорее получим деньги! И давайте поскорее устроим... пир! Виталик, а что это такое?

* * *

Ветер качнул влажные ветви деревьев, осыпав землю каплями дождя. Высоко на дереве захлопал крыльями дикий голубь и, вдруг сорвавшись с ветки, взмыл вверх, словно целясь в розовое облако. Но еловый лес, пригретый заходящим солнцем, выстрелил в голубя быстрой тенью ястреба, и разлетелись в небе, тихо кружась, серые перья.

Они прилипали к влажным листьям, к грубой коре стволов, одно перо упало в быстрый ручей, закружилось в струях и понеслось в лесном сумраке, пахнущем грибами и хвоей. Очень тихо в лесу, только плещет ручей да стучит дятел вдали. Перекатив через плоский белый валун, вода, разбрызгивая пену, падает в темное лесное озеро.

В кустах у озера стоит в одних трусиках маленький светловолосый мальчик и смотрит, как из разломленного им толстого стебля, словно молоко, течет белый сок. Он помазал соком бородавку на пальце и обернулся к озеру, услышав смех и плеск воды, гулко отраженный высокой стеной окружающего озера леса.

Несколько девочек, быстро скинув одежду, бросились в воду. Одна из них увидела его.

— Лолита, — крикнул ей мальчик, — я нашел лекарство от бородавок.

И он помахал над головой веткой.

Лолита выбежала на берег, рыжеволосая, стройная и такая светлая на фоне отраженного озером леса.

— Покажи, — сказала она.

Капли мелким бисером покрывают ее тело, капают с волос и слипшихся ресниц.

— Это не лекарство, — отбросила она ветку. — Знаешь, как надо лечить бородавки? Возьми яблоко, разрежь на столько частей, сколько у тебя бородавок, каждую бородавку помажь отдельным кусочком яблока и завяжи все кусочки в мешочек.

— И всё? — удивился мальчик.

— А потом закопай мешочек на перекрестке двух дорог. И все пройдет. У меня это было, и я себя вылечила. Только никому и никогда не говори, как ты это сделал, а то бородавки появятся снова.

— А как же ты мне сказала?

— Мне можно, — улыбнулась Лолита.

Она бросилась в воду и, быстро работая руками и ногами, заскользила по тихой поверхности озера. Она плеснула водой в ужа, плившего ей навстречу. Неподалеку проплыла утка с цепочкой утят. Последний утенок направился было к Лолите, но утка крикнула, и утенок, хлопая крылышками и шлепая лапками по воде, в панике бросился прочь от девочки. Лолита засмеялась и в него тоже плеснула водой.

Она выбралась на противоположный берег озера и присела на теплый мох возле большого белого гриба. Он рос под старой елью, и на его шляпке девочка заметила перламутровую каплю смолы. Лолита обхватила колени руками и, задумчиво глядя на купающихся подруг, прислушалась к далекой кукушке.

Парень и девушка, стоя по пояс в высоком папоротнике, среди смолистых еловых стволов, тоже слышали кукушку, они обнялись крепче, и губы их слились. Парень расстегнул за спиной у девушки платье, и оно скользнуло с ее плеч. Девушка, закрывая глаза, успела заметить, как белка взлетела по стволу на самую верхушку ели и, уцепившись за ветку, закачалась вместе с деревом над лесом. Заходящее солнце отразилось крошечным бликом в черной бисеринке ее глаза. Отсюда, с высоты, было видно, как за далекими туманными полями солнце быстро уходило за край земли. Туман стал

бледно-голубым, смолкло птичье пение, замерли облака, и все живое почувствовало приближение ночи. Над горизонтом, в темнеющем небе, зажглась первая яркая звезда, потом еще одна, и еще... и вот уже все небо стало одной живой, сверкающей драгоценностью.

Туманы по холмистым полям стекают в глубокие провалы оврагов. В темноте у реки потрескивает костер, стреляет в небо искрами. Мужчина и мальчик закинули в темную воду донки, подтянули лески и подвесили к ним невесомые колокольчики.

— Вон, видишь «Ковш»? — показал мужчина мальчику.

— Где?

— Да вон. Смотри по направлению руки. Видишь, звезды как ручка, а правее сам «Ковш»?

— Папа, я не вижу никакой ручку. Там... столько звезд!

— Иди сюда, смотри прямо по моей руке... Видишь?

Мальчик стоит у присевшего рядом с ним отца, прижимается щекой к его колкой щеке и всматривается в сияющую бездну.

Далекий лай собак, звон ведра у колодца, чей-то смех в темноте за кустами, возня и снова смех...

У старого дома, под корявыми ветвями яблони, сидит на лавочке старик, всматривается в ночь, пытаясь понять, кто это приближается к нему из темноты.

— Деда, это я, — говорит парень, присев рядом со стариком.

Старик силится что-то сказать, рот его подрагивает.

— Как ты, деда? — спрашивает парень.

— Я так от всего... так... Такое все стало чужое... — шепчет, чуть не плача, старик.

— Чего ты, деда?

— Все так изменилось!.. Я даже не знаю... о чем спросить...

— Дед, все нормально. Что ты? Все нормально. Ты иди уже спать.

У ночи есть миг ее полного торжества, когда всё — словно в начале мира, и только сверкают звезды во тьме. Лишь иногда... робкий шелест в листве, писк в высокой траве, удар шуки в камышах...

Но как только мы осознаем этот миг, тут же чувствуем — что-то изменилось, что-то сдвинулось, и все стало другим. Тьма уже не такая густая, а звезды бледнеют и гаснут одна за другой. На востоке виден свет, он зреет, наливается теплом, и вдруг... запела первая птица, и повеяло легким, пахнущим травой ветерком. Крики петухов несутся над туманной дымкой полей, а когда показывается над горизонтом ослепительный край солнца, туман становится золотистым и сверкают радостно окна белой церкви на холме.

Снова летят облака, стрекочут кузнечики, и слышен в голубой вышине писк ласточек...

У моря, у самой воды, стоит ребенок и смотрит на непонятное — синее, огромное, оно шумит, сверкает. А над головой, в голубой дали, движется что-то огромное, белое. Ребенок смотрит на свои ноги, которые заливают волны, и начинает плакать. У бескрайнего моря он кажется таким маленьким! Он ничего еще не знает. Он даже не знает, о чем спросить...

* * *

Мы с Лолитой идем по узкой тропе. Ветер с сухим шелестом качает вокруг нас высокие травы, и нам приходится идти, отводя их руками. Две белые бабочки подлетели к лицу Лолиты.

— Боже, какие забавные! — сказала она, с улыбкой протягивая к ним руку.
— А ты веришь в Бога? — спросил я ее.
— Зачем мне верить? — ответила она, прикрывая ладонью глаза от солнечного света. — Я знаю, что он есть.

— Кажется, еще никому не удалось доказать его существование, — сказал я.

— Я могу доказать прямо сейчас. Хочешь?

Она свернула с тропинки и стала пробираться в глубину зарослей. Я пошел за ней. Здесь пахло теплым медом и еще чем-то свежим, от чего кружилась голова.

Лолита шла вперед, время от времени оглядываясь на меня.

— Ты мне хотела... — начал было я.

— Да-да, сейчас... Не спеши...

Наконец она остановилась и удовлетворенно хмыкнула, словно нашла нужное место.

— Встань на колени, — сказала она.

— Я понял. Мы будем молиться, — сказал я с улыбкой.

— Нет, не будем.

С хрустом подминая высокую траву, я опустился на колени, и Лолита тоже встала на колени напротив меня.

— Ты сейчас стоишь на коленях. Ты ничего особенного не замечаешь? — спросила она.

— Вроде нет.

— Когда ты был маленький, ты видел все вокруг себя именно таким. Посмотри, как близка стала земля! А трава теперь такая высокая, что за ней ничего не видать. Только небо.

— Да, Лолита, очень похоже. Я действительно чувствую себя сейчас маленьким, словно заблудился в высокой траве.

— Скажи, если тебя кто-нибудь любит, как ты сможешь узнать об этом? — спросила Лолита.

— Я это почувствую.

— Тогда почувствуй, как вкусно пахнет полынь.

И она поднесла к моему лицу свою ладошку с размятыми цветками полыни. Я закрыл глаза, и душистый аромат полыни унес меня куда-то в глубину самого себя. Я был словно в полусне, прохладный ветер обдувал грудь, овевал ароматом свежей травы. Слышались гудение пчел и дыхание Лолиты.

— Посмотри на эти синие цветы, — сказала Лолита. — Потрогай их лепестки, они такие нежные! На них желтые полоски и капельки влаги в глубине чашечек. Я слышу, как шелестит трава, как пищат ласточки в небе, вижу облако, свет солнца и чувствую... что меня любят! Да-да, прямо сейчас! Кто же это меня может любить? Как ты думаешь? Неужели ты не чувствуешь это?

— Я... чувствую, Лолита! Мне сейчас очень хорошо! Я даже не могу понять почему. Да, я чувствую радость. Без всякой причины!

— Как же без причины?! Вот же она — вокруг тебя. Бога можно почувствовать. Понимаешь?

— Да, я чувствую, но, Лолита, не все в жизни радостно. Вот ты живешь здесь и знаешь, что бывает грязная, тоскливая осень, когда все вянет, когда темно, холодно и льют дожди... Ты же сама об этом говорила. Разве тогда можно почувствовать радость?

— Да, я живу здесь. И здесь у меня прошлым летом умерла мама. Я часто прихожу на ее могилу, была там и осенью и видела на нашем кладбище много могил. Это старое кладбище, и там много могил. А теперь подумай, если бы случилось чудо и кто-то оживил бы всех, кто лежит под землей. Что бы эти люди почувствовали? Им бы сказали: «Вы хотите жить? Это можно устроить, но, знаете, здесь сейчас осень, очень хо-

лодно, дует ветер, идет дождь, можно ноги промочить и чихать после этого... Неужели вы все еще хотите жить?» Я уверена, что эти люди были бы счастливы только оттого, что снова смогут дышать, чувствовать холод и дождь. Понимаешь?.. Дышать и жить...

Я опустил голову, почувствовав себя таким дураком.

— Давай я покажу тебе место, которое очень люблю, — сказала она. — Пойдем. Это недалеко. Тебе понравится. Можно посидеть там ночью у костра.

— Ночью? А дома у тебя не будут волноваться?

— Отец уехал, а больше волноваться некому. Только мы ничего не взяли с собой поесть. У тебя есть что-нибудь в сумке?

— Только шоколадка. И черный хлеб.

— А это что? — полезла Лолита рукой в мою сумку.

— А, эта банка?.. Подсолнечное масло.

— Зачем оно тебе? — удивилась Лолита.

— Я добавляю в акварель. Получается очень красиво... И еще есть соль, она тоже красиво разъедает акварельную краску...

— Виталик, ты что, нашим ужином собрался рисовать? А ну давай это все сюда! Пошли. И посмотри в сумке, может, еще что-нибудь найдешь.

Нас накрыло темное облако, и били из-под него веером солнечные лучи. Ласточки носились над головой. Лолита шла рядом со мной и время от времени наклонялась, чтобы сорвать какие-то травы.

— Ты когда-нибудь пил чай из трав, которые здесь растут? — спросила она. — Я сделаю нам сегодня вкусный чай.

Пробираясь сквозь заросли, мы вышли к глубокому оврагу. Дно его заросло старыми ивами, и блестел на солнце вьющийся среди деревьев по дну оврага ручей. Лолита побежала вниз по травянистому откосу и на бегу потеряла босоножку, но не остановилась. Спускаясь, я поднял босоножку, и сердце мое сжалось — до того она была потерята, а каблук сбит.

— Неси ее сюда! — крикнула Лолита и махнула рукой. Она переходила ручей, переступая с камня на камень, солнечные лучи, словно золотыми иглами, пронизывали серебристые кроны ив, вода искрилась на солнце, а по ногам Лолиты скользили солнечные зайчики. Мелкая мошкара вспыхивала, попадая в свет солнечных лучей, и тут же исчезала в тени деревьев.

Лолита села на траву у ручья и стала надевать босоножку.

— Посмотри! — сказала она. — Видишь в земле крохотную норку? Знаешь, что это? Это домик шмеля. Я только что смотрела, как он туда залез. Какой смешной у него домик! Но он этого не знает... Ты никогда не думал, а может, и наши домики очень смешные, только мы тоже этого не знаем? И машины в городах, эти коробочки на колесах, тоже смешные! И ниточки проводов, змейки поездов, огоньки, которыми освещаются дороги, и большие дома, похожие на соты, в которых живут люди по соседству, через стенку. Разве все это не смешное?

— Но ведь людям нужно где-то жить? Ты что, против... архитектуры?

— Виталик, мы не знаем, какой бы она была — настоящая архитектура Рая. Я уверена, что она была бы совсем другой.

— Лолита, а что же тогда для тебя не смешное?

— Не смешное все, что не сделано человеком. Огонь, море, лес, облака, земля, вот этот ручей... Все это не смешное. И сами люди не смешные. Разве я смешная? Или ты...

— Да. Иногда, ты смешная, — улыбнулся я.

— Вот! Видел?! — и она показала пальцем на вылетевшего из норки шмеля. — Знаем мы, толстяк, где ты живешь. Не бойся, не разрушим твой домик... Ну что, пошли? Нам надо дойти до леса, и там будет то место, которое я хочу тебе показать.

Еловый лес стоял перед нами высокой стеной, мы вошли в зеленый сумрак с густым настоем хвои и смолы и пошли среди еловых стволов с белесыми потеками, пригибаясь под низкими, тяжелыми ветвями. Дорога, усыпанная иголками, пошла на подъем.

— Сейчас будет все круче и круче, — сказала Лолита. — Мы взбираемся на холм.

Цепляясь за стволы елей и корни, словно змеи, извивавшиеся по земле, мы поднимались все выше на лесной холм и на самой вершине вышли на маленькую поляну, окруженную плотной стеной высоких елей. Солнце уже садилось, и свет его едва проникал сюда. Здесь царил зеленый сумрак и чувствовался запах грибов.

— Я называю это место — лесной колодец, — сказала Лолита. — Правда похоже? Мы как на дне колодца. Здесь пахнет грибами, давай поищем их в траве.

Густая трава доходила нам до колен, мы начали на ощупь искать в ней грибы, и не прошло и минуты, как Лолита быстро поднялась, держа в руках боровик с янтарного цвета улиткой на шляпке.

— Они есть! Осторожно! Пробуй траву руками, и ты их почувствуешь. Ступай осторожно, не раздави их!

— Я тоже вижу их! — обрадовался я.

— Ищи еще, ведь впереди такая долгая ночь, а у нас мало еды!

Шесть боровиков мы уложили в мою сумку и стали спускаться с холма.

— Давай правее, а то здесь не спустимся — очень круто, — советовала Лолита.

Скользя на гладких корнях и цепляясь за них руками, мы спустились в сумрак лесного оврага. Вода в речушке на дне оврага была темно-зеленая и неподвижная. У самой воды под лапками ели стояла покосившаяся времянка, крытая черным толем. Далеко над водой выступал из земли белый плоский камень. Мы сели на него с Лолитой. Над нами по обоим берегам узкой речонки замерли высокие ели, было очень тихо, только затихающее к вечеру птичье пение доносилось с противоположного берега.

— Вот это место, — сказала Лолита почему-то шепотом и потрогала рукой теплый камень. — Хочу тебе что-то рассказать. Я тогда еще была совсем маленькая и однажды пришла домой очень поздно. Родители стали меня ругать. Они кричали, а у меня почему-то стало сильно стучать сердце. Я легла на кровать, а родители продолжали ругать. Мне стало так плохо! А они... продолжали ругать, совсем не видя, что со мной происходит. Я смотрела на них и вдруг поняла, что они не слышат меня. Они не чувствуют, как мне плохо! А это значит — я совсем одна! Понимаешь? Никто не может почувствовать, как мне плохо. И так будет всегда. Никто меня никогда не поймет, никто никогда не будет знать, что мне нужно. Только во мне самой что-то знает это.

— По-русски это называется — душа.

— По-латышски это называется — dvesele.

— Какая разница, пусть будет — dvesele.

— Какая разница, пусть будет — душа, — сказала Лолита.

— Лолита, но ведь бывает, что встречаешь родную душу.

— Разве обязательно ее встретишь? Можно всю жизнь прожить и не встретить.

— Конечно, можно и не встретить. Но у всех людей есть шанс. Понимаешь?

— Здесь, в этом месте, я всегда чувствовала себя как в другом мире, — сказала она, чуть помолчав. — Мне казалось, что до моего дома миллионы километров. И здесь я чувствовала самое большое одиночество.

— Зачем же ты приходила сюда? Зачем тебе одиночество?

— Когда я пришла сюда в первый раз, мне показалось, что я осталась одна на свете. Мне становилось все хуже и хуже, и когда я готова была закричать, когда терпеть уже не было сил, я вдруг почувствовала теплоту вот здесь, — и Лолита коснулась рукой груди, — и тогда я почувствовала радость! Я поняла, что я все-таки не одна. Что

есть вокруг меня и во мне что-то невидимое и таинственное, оно чувствует мою душу и любит меня. Поэтому я привела тебя сюда... Давай натащим побольше хвороста, пока еще совсем не стемнело, и я приготовлю ужин. Во времянке есть котел и кружки для чая. Там все есть, это наше с Андрисом место.

— А что за ужин ты собираешься готовить?

— Очень простой, ведь у нас почти ничего нет, но здесь все будет вкусно, — ответила она.

Нам не пришлось идти в лес за хворостом, его было очень много на берегу реки.

Вскоре запыхал наш костер, Лолита притащила из времянки котел, треногу для него, а меня попросила принести два матраса и одеяло. Она уложила матрасы рядом, между костром и рекой, и занялась ужином. Глядя на то, как ловко она управляется, я понял, что они с Андрисом часто здесь бывают. Я решил пройтись вдоль реки и, когда был метрах в двадцати от Лолиты, услышал ее голос:

— Виталик, нарисуй мне речку! Можешь? Маленькую картинку.

Я сел на корягу. Пастель открыта, планшет с бумагой передо мной, рука тянется к мелкам пастели и останавливается на полпути. Передо мной белый лист бумаги, белое ничто, наколотое на планшет. И я вдруг подумал, а здорово было бы перенестись во времени на час вперед и увидеть рисунок, который у меня получится. Ведь то, что я сейчас нарисую, уже существует в будущем, если, конечно, я сделаю эту работу. Какая она будет?

Вокруг высокие ели, на песчаном берегу реки пятна почерневших водорослей, обломки деревьев, ветви которых, словно окоченевшие скрюченные лапы, тянутся к небу.

И тут мне показалось, что я вовсе не рисовальщик, а часть картины. Я увидел себя со стороны. Вот я сижу на коряге. Я — это всего несколько мазков масляной пастелью.

Небо нарисовал быстро, нанеся на бумагу все цвета, какие только заметил, и потом растер их рукой. По краям облаков прошелся золотистым мелком, нарисовал ели, песчаный берег реки и себя, сидящего на коряге. Так вот я какой? Я смотрю на себя на картине и понимаю, что именно таким меня видят другие люди со стороны.

А если я сотру себя и оставлю только песок на этом месте?.. Я взял мелок охры и приблизил кончик мела к себе, сидящему на песке. Делать или нет? Картина вроде получается, а вдруг станет хуже без фигуры на первом плане? Быть ей или не быть? Я почувствовал свое могущество — нарисовать, оставить или уничтожить. Хотя нет, конечно, есть и третье, есть что-то еще. Хотя бы вот это...

Я взял темный мелок и нарисовал человека, идущего вдоль берега реки, взял светлый мелок — и появилась у реки девушка в белом платье, а у воды — дети. Я брал мелки, и все больше детей играло у воды. И берег на моей картине ожил.

И тут я снова увидел себя на картине на первом плане. Нет, теперь я точно не нужен. И нарисовал вместо себя песок. Прошло минут сорок, как я начал рисовать. Я оказался в том самом будущем, в котором хотел оказаться. Сбылось мое желание. И вот передо мной картина, о которой я всего час назад понятия не имел. Я рассматриваю ее. Так вот она какая!

— Мне она нравится! Нравится! — смеялась Лолита. — Как ты угадал, что мне такое понравится? Эта картина моя? Она такая необычная! Ведь здесь никогда не будет столько людей!

— Твоя, Лолита. Давай я положу ее в планшет. Завтра у наших девчонок возьму лак для волос и закреплю ее. И тогда пастель никогда не сотрется.

— Садись и посмотри, что я нам приготовила, — сказала Лолита и протянула мне ложку.

— Очень вкусно, что это? — спросил я, попробовав.

— Только не смейся. Ведь у нас ничего нет, а ужинать надо. Я нарезала мелко черный хлеб и лук, я нашла его во времянке, полила подсолнечным маслом, посолила и чуть добавила воды из котла, чтобы хлеб впитал. Ну и травку кое-какую добавила. Можно есть?

— Вкусно, Лолита! С тобой я не пропаду. Мне нравится и река, и наступающая ночь, и черные ели, и твой черный хлеб с луком.

— Мама мне рассказывала, что так иногда она делала во время войны, когда нечего было есть. Я сейчас сделала, и мне понравилось.

— Вкусно!

— Я сварила грибы, вот они, а еще у нас будет чай с шоколадкой. У меня есть две травы: одна — чтобы спать, а другая — что не заснешь, — засмеялась она. — Какую заварим?

— Мы же пришли сюда не спать.

— Я тоже так подумала.

Вокруг было тихо-тихо, только потрескивал костер, в небе зажигались звезды и отражались на гладкой темной поверхности реки. Отсветы пламени скользили по берегу, и тут я услышал, как ударила хвостом по воде рыба.

— Лолита, хорошо, что ты привела меня сюда. Как можно спать в постели, когда есть такая красота?!

— Нарисуй это! А то ты рисуешь какие-то трактора...

— Нам дали задание изучать сельскую жизнь.

— Виталик, трактор — это не жизнь, а просто — железяка. Вон, — развела Лолита руки в стороны, — вон настоящая сельская жизнь! И звезды тоже сельская жизнь. Даже вон та, маленькая звездочка.

— Которая?

— Вон та, красненькая.

— Лолита, да это же спутник. Он же летит... А почему ты за голову держишься?

— Почему-то заболела сейчас. Заколело в виске.

— Тогда лучше приляг.

— Нет, ничего. Это пройдет.

Я вижу отсветы пламени на волосах Лолиты. Несколько ее золотых волосков чуть подрагивают от близкого жара огня. Из темноты слышится кваканье лягушек...

Лолита чуть помолчала, быстро поднялась и вышла из круга света, отбрасываемого костром.

— Вода теплая! Давай купаться? — послышался ее голос. — Может, у меня пройдет голова... Давай! Только держи меня за руку.

Мы быстро разделись и в полном мраке зашли в теплую воду. Я крепко держал Лолиту за руку и совсем не видел ее в темноте.

— Виталик, посмотри, сколько звезд в небе! Вокруг нас на воде тоже звезды! Мы с тобой как будто летим в черном небе. Ты можешь представить, что прошло сто лет с тех пор, как мы сидели ночью у костра. Нас давно больше нет. И нет тех, кто мог бы нас помнить. Нас как будто и не было вовсе. Видишь, все осталось точно таким же — звезды, лес, только другие люди живут теперь на земле. Чего тебе сейчас жаль больше всего? Что ты вспоминаешь сейчас как самое дорогое?

— Я вспоминаю... как сто лет назад мы сидели с тобой у костра.

— Так вот он, костер, — засмеялась Лолита, — и он сейчас погаснет, бежим скорее его раздувать!

Мокрые, мы подбежали к костру и стали раздувать огонь, пока не закружились у нас головы. Положив на огонь несколько толстых сухих коряг, найденных у воды, мы бы-

стро высохли у жаркого пламени. Мы сидели, глядя на огонь, я слышал дыхание Лолиты и тихий шелест еловых ветвей, которые чуть качал ночной ветер. Костер запылал от ветра еще жарче, и искры, кружась, устремились к небу.

— Лолита, — тронул я ее за плечо, и она чуть повернула ко мне голову. — Я вспомнил сейчас твою историю. Ну, про то, как тебя ругали родители. Ты сказала, что почувствовала непонимание и одиночество, но ведь и ты... не поняла тогда свою маму. Она ведь тоже была одинокая в этот момент. Она тревожилась за тебя, боялась, что потеряла тебя. Понимаешь? Ты ведь точно так же не думала о ней.

Лолита, опустив голову, помолчала минуту и тихо произнесла:

— Я ни разу в жизни не сказала маме, что люблю ее. Как так получилось? А теперь уже поздно... Я никогда уже не смогу ей этого сказать. Я не знаю, где она теперь.

— Скажи ей это сейчас.

— Разве она услышит?

Лолита посмотрела на меня. В ее влажных глазах отражался трепещущий свет огня. Она встала на колени и посмотрела в небо.

— Мама, — прошептала она. — Мама... я хочу тебе сказать, что... у меня болит голова! Мама, погладь мою голову!.. Она очень сильно болит!

Лолита закрыла лицо и заплакала.

— Мама, — шептала она сквозь ладони, — погладь мои волосы! Я так это любила!..

Лолита легла на землю и заплакала навзрыд. Я придвинулся к ней, пытаюсь успокоить.

— Пусти, — проговорила она сквозь слезы, пытаюсь подняться, — я опять забыла сказать маме, что люблю ее.

— Ты только что сказала ей это.

— Разве?

— Не плачь! Ты тысячи раз говорила маме, что любишь ее. Ведь это можно сказать по-разному. И даже без всяких слов.

— И ты думаешь, она меня услышала?

Налетел порыв ночного ветра, и зашумели деревья вокруг нас. Огонь костра прибавился ветром к земле, постреливал искрами, освещая лицо Лолиты тревожными всполохами.

— Ты думаешь, она услышала? — повторила еще громче Лолита.

Я накрыл ее одеялом и крепко обнял.

— Виталик, сейчас наши с тобой души близко-близко! Правда?

— Очень близко. Спи, Лолита! Теперь тебе надо поспать.

— Как ужасна смерть, Виталик. И страшна она тем, что умершие не знают ничего о своих детях. И не могут им помочь.

— Люди... перестают быть детьми.

— Нет, не перестают, — прошептала она, засыпая.

* * *

Когда все наши сокурсники уехали после практики в город, мы с Санчо решили устроить себе праздник. Догорала узкая полоса заката, над жаром углей шипело мясо на шампурах, блестели капли воды на красных помидорах, зеленом луке, огурцах, и вкусно пах свежий ржаной хлеб из сельского магазина.

Санчо вышел из школы, довольно улыбаясь в бороду, поставил на наш самодельный столик несколько бутылок пива, бутылку лимонада «Буратино» для Лолиты и поправил шампуры с мясом.

— Ты правильно делаешь, — заметила Лолита, — поджариваешь сначала одну сторону, а потом только переворачиваешь на другую. А то многие крутят... крутят без конца.

— Лолита, ты — молоток! Но все же тебе не стоит забывать, что ты не имеешь ни малейшего права игнорировать тенденции парадоксальных иллюзий, — заметил Санчо.

— Почему? — спросила Лолита, кусая помидор.

— Потому что каждый частный индивидуум является частицей метафизической абстракции. Поняла?

— Нет, но мне понравилось. Ты мне это запиши.

— Так, друзья, латышское национальное блюдо — шашлык — готово, — воскликнул Санчо. — Лолита, освободи место в центре. Каждому по два шампура! Сегодня налопаемся! У всех бутылки налиты?.. Ну!.. Кстати, «ну!..» — это самый короткий русский тост. — Ну!.. Давайте!..

Наступил тот вечерний час, когда вдруг резко смолкает птичье пение, не шевелится ни один листок, а верхушки деревьев и края розовых облаков ловят последние отсветы заходящего солнца. Мы расположились на траве перед дверями сельской школы, откуда сразу же начиналось огромное поле с узкой полоской леса на горизонте.

— Мягкое мясо? — спросил Санчо у Лолиты.

— Мягкое, но иногда в зубах застревает.

— Зубки у тебя редкие, вот и застревает, — заметил Санчо. — Ребята, осознайте этот миг, прочувствуйте его, это и есть счастье! Пройдут годы, и вы вспомните мои слова.

— Зачем ждать годы? — воскликнула Лолита с полным ртом. — Мы можем вспомнить твои слова прямо сейчас. Правда, Виталик? Да!.. Это счастье — смотреть на закат, есть шашлык и пить лимонад!.. Вот только опять в зубах застряло.

— Лолита, — вздохнул Санчо, — как ты умеешь сбить пафос! И что ты все время смотришь на мою бороду?

— Знаешь, — замялась Лолита, подбирая слова, — я подумала, что лучше бы ты сбрил бороду и усы. Тебе и есть неудобно, да и как ты будешь целоваться, ведь у тебя губ не видно?

— Вот какие у тебя мысли!..

— А если ребенок у тебя когда-нибудь родится, как ты будешь его держать? Ты же его бородой защекочешь!

— Лолита, я его буду в бороду укутывать, чтобы ему теплее было... Что это мы сидим без музыки?

Санчо включил транзистор и, продираясь сквозь шипение коротких волн, набрел наконец на песню «Rolling Stones». Стало совсем темно. Он убрал кирпичи, на которые мы ставили шампуры, и, бросив несколько сломанных досок на угли, снова разжег костер.

— Ты права, Лолита. Мне это говорили не раз, но я не брал в голову. А ты сказала... Ты ведь мало говоришь, но если говоришь, то по делу. Ты — молоток.

Началась песня «Lucy in the Sky with Diamonds» группы «Битлз». Звуки песни вились вокруг нас, подхватывали, кружили голову и возносились прямо к звездам.

— Сейчас, ночью, особенно чувствуется, какая это психоделическая вещь! — заметил Санчо. — Мы правильно ее слушаем — под звездами и с пивом.

— А что такое — психо... Как ты там сказал? — спросила Лолита.

— Как бы тебе объяснить? Психоделическое — это что-то такое, с сумасшедшинкой, нереальное или как сон. Я, конечно, неправильно объяснил, но... примерно так.

— Хотите пойти на психоделическую рыбалку? — спросила Лолита. — Но только надо идти ночью.

— Давай прямо сейчас и пойдем, — согласился Санчо. — Виталий, у тебя же пара удочек есть?

— Давайте! — оживилась Лолита. — Но только на каждой удочке должно быть по три поводка. А червей найдем по дороге, я знаю место, где они всегда есть.

— Лолита, ты отличный парень! — одобрительно кивнул Санчо, — Но для еще большей психоделики нам надо допить пиво.

— И доесть шашлык. Я уже не вижу своего рта, — засмеялась Лолита. — Так темно! Сейчас попала шашлыком себе в нос.

— Ты там, в темноте, чего пьешь? Смотри у меня! В нос она попала!..

Я зашел в школу и навязал к лескам на удочках по три поводка. После яркого света в школе я почти ничего не мог рассмотреть в темноте.

— У нас нет фонаря, — сказал я. — Как мы будем ловить в такой темени?

— Фонарь совсем не нужен, — отозвалась Лолита. — Возьмите спички. Это же не обычная рыбалка, а... ну, в общем, та самая. Забыла слово!

Мы шли по полю в полной темноте, поднимаясь на покатый склон холма. Лолита шла впереди, голова моя немного кружилась от пива, ночи и роскошного звездного неба над всем спящим миром.

— Девчонка сумасшедшая, — сказал мне Санчо одобрительно. — Иногда хочется сойти с ума и пойти на рыбалку с маленькой сумасшедшей девчонкой и коробком спичек. Не будем противиться, чем безумнее, тем лучше! Лолита, где мы будем копать червей?

— Мы их не будем копать. Они нас давно ждут.

— Ты слышал? Черви нас давно ждут! У Лолиты каждое слово полно глубочайшей мудрости. Где ты нашел эту Лолиту?

— Это я его нашла, — отозвалась она из темноты.

— Хорошо, где ты его нашла, Лолита?

— У реки.

— Вы встретились у реки... Красиво! Прямо начало истории. Когда-нибудь напиши об этом, Виталий. И про нашу психоделическую рыбалку тоже... Лолита, а где мы будем ловить рыбу? Мы, наверное, выйдем в море на лодке с пробоиной, только, чур, я буду вычерпывать воду. Мне так хочется спасти тебя этой ночью!.. Или нет, мы пойдем на речку, где произошла ваша романтическая встреча...

— Нет, ни на море, ни на речку мы не пойдем, — послышался из темноты голос Лолиты. — Я же обещала вам сумасшедшую рыбалку. Вы садок взяли?

— Это вопрос настоящего рыболова-оптимиста. Где твоя рука? Я хочу пожать ее.

— Вот.

— Не могу найти. Где ты вообще вся сама? Ладно, иди дальше, потом пожму. Ни черта не видать. Лолита, если где-то есть ямы, то ты предупреждай...

Поднявшись на гребень холма, мы едва различили спящий во тьме поселок с редкими огоньками светящихся окон. Мы стояли в полнейшем мраке. Рядом угадывалась черная громада хуторского дома, лаяла во дворе собака, и громыхал вдали бесконечный поезд.

— Вот здесь, сбоку дороги, — прошептала Лолита. — Спускайтесь осторожно, тут спуск. И не шумите, рядом во дворе большая собака и такая же большая щель в заборе.

— Ни фиги себе! — прошептал Санчо.

Мы сползли по скату какой-то канавы и зажгли спичку. Так и есть!..

— Лолита, ты хочешь, чтобы мы ловили рыбу в этой канаве? — спросил я.

— Это не канава, а протока.

— Да ее же перешагнуть можно! Два метра шириной.

— Виталик, — вмешался Санчо и тут же, оглянувшись в сторону дома, понизил голос. — В этом что-то есть. Я никогда еще не ловил рыбу в придорожной канаве. Лолита, где черви?

— Зажгите спичку, вот доска у воды, под ней всегда полно червей.

Так и оказалось. Зажигая спичку за спичкой, мы нацепили червей на все наши крючки и, установив минимальную глубину, закинули поплавки в невидимую во тьме протоку. Когда мы зажигали спички, видели за узкой протокой ветки кустов и наши неподвижные поплавки на черной воде.

Мы сидели на травяном скате, чувствуя друг друга локтями, и смотрели во мрак. Я закрыл глаза, снова открыл и не почувствовал разницы.

— И когда подсекать? — спросил Санчо у Лолиты.

— Еще немного подождем... Чутьочку еще... Подсекай!

— Что-то есть! — воскликнул Санчо так громко, что за нашими спинами залаяла в темноте собака.

— Вот собака! — прошипел Санчо. — Как тихо подошла!

— Harolds, ej mājās (Гарольд, иди домой! латыш.)! — крикнула собаке Лолита. — Ej mājās!

Услышав голос Лолиты, собака затихла.

— Зажгите спички, я что-то поймал.

Я тоже подсек и почувствовал, как тяжело подается леска. Мы зажгли спички и увидели, что Санчо поймал на три поводка сразу трех карасей размером с ладонь. Мне попались два карася.

— Обалдеть! — радовался Санчо. — Самая невероятная рыбалка в моей жизни! Расскажу — не поверят! В канаве!.. На краю дороги!.. И сразу по три карася!..

— Завтра уху сварю, — пообещала Лолита.

Мы дергали из тьмы карасей и хохотали, откинувшись на траву. Снова прибежал Гарольд, но уже не лаял. Лолита позвала пса, он спустился по травяному откосу и стал пить, шлепая языком по воде.

— Видите, он хороший, — теребила его за холку Лолита. — Но он хороший здесь, а в своем дворе — покусает!

А потом мы откинулись на траву, лежали голова к голове и смотрели на небо.

— Лолита, я эту рыбалку запомню, — пообещал Санчо. — И тебя запомню! И даже Гарольда, хотя я его ни фи́га не видел в этой темноте... Эх, как тихо вокруг!

— Совсем не тихо, — ответила Лолита. — Слышите, далеко-далеко гремит поезд за лесом, журчит протока, и еще слышен сверчок.

— Я еще слышу, как Гарольд дышит у меня под боком, — пробурчал Санчо.

— Видите, над нами вон те три звезды образуют треугольник, — показала рукой в небо Лолита, — он острым концом направлен на юг. Сколько бы лет ни прошло, он всегда будет ночью на этом же самом месте. Мы всегда сможем увидеть его и вспомнить нашу рыбалку. Видите эти три звезды? Нас сейчас тоже трое. Давайте это будет наш «летний треугольник». На все времена...

* * *

Летняя ночь. Пылает наш костер, пахнет дымком, и потрескивают в огне сухие поленья. Лолита, Андريس и я сидим на высоком берегу реки.

— Можно очень долго так сидеть и смотреть на огонь, — задумчиво произнес Андريس. — Никогда не надоедает.

— Костер — это телевизор первобытных людей, — сказала Лолита. — Они тоже сидели, как мы, и смотрели на огонь... Что это вообще такое — огонь? Я этого не пони-

маю... Может, он живой?.. Знаете, однажды в церкви я поставила свечу и заметила, что рядом с ней догорал крошечный огарок. Его почти уже и не было видно, только кусочек воска с фитилем и пламя. Огонек все уменьшался, пока не превратился в искорку, она долго боролась за жизнь, а когда погасла, от нее отошел дымок, как будто душа отлетела...

И, отстраняясь от дыма, она крикнула в темноту, в сторону хутора:

— Инга-а-а-а!

Послышалось хлопанье крыльев, и что-то темное, закрывая звезды, сделало над нами круг.

Лолита попробовала из котла уху большой деревянной ложкой. На ее локте подрагивал свет огня, а под ложкой сверкала янтарная капля.

— Что-о-о-о-о?.. — донесся до нас из темноты далекий голосок Инги.

— Хлеб возьми-и-и-и! — крикнула ей Лолита.

Вскоре послышался шелест травы, и свет костра выхватил из темноты влажные от росы ноги маленькой Инги. Она положила на траву завернутые в полотенце ломти черного хлеба, соль и деревянные ложки.

Есть мы стали прямо из котла, снятого с огня.

— Правда из карасей самая вкусная уха получается? — сказала Лолита, дуя на ложку и держа под ней кусок хлеба.

Инга, запрокинув голову, смотрела в небо, свет костра освещал ее шею и рыжеватые, как у Лолиты, волосы. Они чуть колыхались от жаркого пламени.

— Сколько звезд! И кажется, что небо кружится, — прошептала она, прижавшись щекой к плечу Лолиты.

— Такую ночь нарисовать, наверное, очень трудно. Одна темнота, — повернулась ко мне Лолита.

— Почему же? Чтобы нарисовать ночь, нужно только чуточку света. Костер, светящееся окно, звезда... Вот тебе и ночь.

— Я рисую ночь, — сказала Лолита, приподняв руку над головой, словно пыталась коснуться кончиками пальцев звезд. — Рисую звезды, рисую искры на воде и огонек на том берегу...

За лесом послышался нарастающий шум поезда. Мы сидели молча и прислушивались к стуку колес.

— Как хорошо было бы уехать всем нам куда-нибудь далеко-далеко! — нарушила молчание Лолита. — И не в электричке, как мы в Ригу ездим, а на настоящем поезде, в купе. Я никогда так не ездила.

— Я бы залезла на верхнюю полку! — посмотрела на нее снизу вверх Инга. — Давайте играть в поезд?.. Ой, огонь погас!..

— Пускай, — отозвался из темноты Андрис, — сейчас картошку запечем. — Инга, что ты все оглядываешься?

— Мне кажется, что за спиной у меня кто-то есть. Ты огонь загасил, и теперь я совсем ничего не вижу. Давайте уже пойдем в наш шалаш...

— Идите. Только фонарь не зажигайте, там батарейки сели, — предупредил Андрис.

В шалаше, шурша сеном, мы на ощупь устроились на надувных матрасах.

— Я ничего не вижу, — прошептала Инга. — Лолита, это ты?

— Кто же еще?

— Давай играть в поезд... Я уже лежу на верхней полке и смотрю в окно.

— И что ты видишь? — спросила Лолита.

— Ничего не вижу, там ночь... Давай ты тоже будешь ехать на верхней полке?

— Хорошо. Только в нашем купе слишком темно. У меня в глазах от темноты какие-то серые узоры.

— Эй вы, там, внизу, — прозвучал голос Инги. — Вам не скучно?

— Нет, не скучно, мы шоколадку сейчас будем есть, — отозвался Андрис и зашелестел фольгой. — Инга, бери кусочек.

— Я не вижу твою руку.

— Лолита, дай ей.

— Мы все уедем сейчас далеко-далеко и будем там жить, — сказала Инга.

— Жить? — удивилась Лолита.

— Да. Не всегда же мы будем здесь. И там у нас все будет совсем другое!..

— Что же там будет совсем другое?

— Лола, там... Там будут совсем другие деревья!.. Тебе нравится так ехать на поезде?

— Нравится. Жаль только, что за окном ничего не видно.

— Эй, там, наверху, — послышался голос Андриса, — в вагоне-ресторане есть печеная картошка. Кто хочет? Я сейчас принесу...

— Давай приноси! — засмеялась Лолита. — Виталик, я вспомнила, как ты рассказывал, что у вас один парень покрасил черной краской лист бумаги, и когда у него спрашивали, что там нарисовано, он говорил, что это негры ночью уголь грузят. Так и мы сейчас будем в полной темноте лопать печеную картошку. Это тоже легко нарисовать.

— Кажется, гроза идет, — сказала Инга. — Слышите гром?

— Мы же белье не сняли! — встрепенулась Лолита.

— Лола, я сняла...

Снаружи зашумел дождь, в небе заворчал гром, и раскаты его укатились за лес, за реку...

— И вправду кажется, что мы едем, сами не зная куда, — сказал я, прислушиваясь к дождю.

— Лолита, — послышался сонный голос Инги, — я совсем не сплю. Мы едем на поезде.

— Только вот за окнами ничего не видать.

— А я вижу утро, облака, солнце. А еще вижу высокие горы и море, которое сверкает, как серебро. И вижу город у моря с белыми домами.

— Наверное, там мы будем счастливы, — сказала Лолита. — Но мы никого там не знаем. Грустно приезжать в город, в котором тебя никто не ждет и никто не встречает.

— Лола, я уже вижу станцию. Над ней огромные белые буквы — «Счастье». Это так она называется. И еще я вижу... Я вижу, что нас встречают!.. Вы не представляете кто!

— Кто? — спросили одновременно и Лолита, и Андрис.

— Это так странно! — прошептала Инга. — Вы не поверите мне! Но я вижу на перроне... себя! И еще я вижу тебя, Лолита, и Андриса, и Виталика!. Мы сами себя там встречаем!

— Да, — улыбнулась в темноте Лолита. — А ведь действительно, почему бы нам самим себя там не встретить? Я могу полюбить этот город! И он так хорошо называется — «Счастье»!

* * *

Однажды вечером мы с Лолитой сидели на большом, согретом солнцем камне на берегу журчащей у наших ног лесной протоки. В голубой воде плыли розовые облака, за высокими елями, подступившими к самому берегу, разносилось птичье пение. Пахло душистой еловой смолой и грибами.

К концам гибких ивовых прутьев мы прицепили кусочки мяса и опустили их в темную воду, к самому дну. Мой пруттик иногда подрагивал в руке, но я знал, что это бьются об него уклеики.

Качнув отражение облака в воде, Лолита выдернула свой пруттик из воды, сняла с него рака, уцепившегося клешней за мясо, и уложила его в корзинку на смоченные водой стебли крапивы.

— Знаешь, Лолита, — сказал я, тоже доставая из воды рака, — я рисовал ваши места и вдруг подумал: а почему бы не написать о них рассказ?

— И про меня тоже?

— Это самое главное — про тебя. Это в первую очередь. Ты мне поможешь?

— Конечно, помогу. Я думаю, у тебя получится. Только я видела у тебя на кровати американскую книжку... Ты ее еще сразу спрятал... Ты только такой рассказ не пиши... Ладно?

— Нет, конечно! Это я так... Язык учу. Что ты! Я вырос, Лолита, на классической русской литературе.

— А как я могу тебе помочь?

— Понимаешь, я мало знаю о вашей жизни. Ты умеешь доить корову, кормишь трех козочек, поросят, индюка с индюшками, работаешь в поле, но я ведь ничего об этом не знаю. Если начну описывать да вот хоть один твой день, то могу написать какую-нибудь глупость, а кто-нибудь знающий прочитает и посмеется.

— Виталик, ты вырос на классической литературе, а я выросла на прополке... Так что не волнуйся. Я тебе все покажу и расскажу. Кстати, завтра можем вместе клубнику рассаживать. Я покажу, какие усы надо сажать, чтобы ягоды были. И еще покажу, как косу отбивают. Вдруг тебе для рассказа пригодится. А то напишешь, как ты косу «точил», и все смеяться будут.

Лолита помолчала, накручивая на палец тонкую рыжую косичку, заплетенную на виске, и посмотрела на меня.

— Странно, что ты мне сейчас сказал это, я ведь тоже давно начала рассказ писать... Брат смеялся надо мной, говорил: зачем? Все равно его никто не увидит... Ну и пусть! Мне хочется, чтобы он был — всего один маленький рассказ. Вот как этот цветок с синими и желтыми лепестками. Ну и что из того, что его никто не видит. Он совсем не грустит от этого.

— Я тебя понимаю. Мой рассказ тоже никто не увидит.

— И это хорошо, что никто не увидит. Правда?

— Да. Пусть это будет только наше.

— Наши рассказы будут невидимками. Никто не будет о них знать... Только мы с тобой. Ой!.. Смотри, кто к нам пришел! — прошептала Лолита, показывая глазами на маленького полевого мышонка, зашуршавшего в траве. — Подожди! Сейчас мы тебя угостим. Куда же ты! Вот же, убежал...

Послышались далекие раскаты грома. Мы быстро собрались, накрыв в корзинке пойманных раков влажной крапивой, и вошли в лес. Лолита шла чуть впереди, петляя в сумрачном лабиринте среди замшелых поваленных деревьев. Некоторые стволы были совсем прогнившими. Перебираясь через березу, я наступил на нее и провалился в ствол ногой по колено. Я вытащил ногу и стал стряхивать со штанов красных муравьев.

— Не наступай, лучше перешагивай, — посоветовала Лолита. — Они старые, трухлявые, там могут быть змеи.

— Без тебя я бы сто раз здесь заблудился.

— Смотри!.. Сейчас тебе что-то покажу. Видишь, растут мухоморы? Приглядишься. Вот здесь растут, потом кончились, а дальше за березами продолжают. Заметил, они ра-

стут не по прямой линии. Если бы мы могли посмотреть сверху и деревья нам не мешали бы, то ты бы увидел, что мухоморы образуют большой круг. Это называется — «ведьмино кольцо». В середине этих колец всегда есть хорошие, белые грибы. И здесь они тоже есть. Вон там, — сказала Лолита, показав рукой в глубину крутого лесного оврага. — Здесь много таких колец, и все они пересекаются. Если бы мы начали сейчас собирать грибы в центре «ведьминых колец», то обязательно заблудились бы, как бы ни пытались запомнить дорогу назад. Потому они и «ведьмины». Пойдем. Как потемнело! И так тихо! Даже раки затихли. Это перед грозой так. Идем скорее...

Когда мы подошли к дому Лолиты, поднялся ветер. Над хуторским домом зашумел могучий дуб, с него, как осенью, полетели листья, на бельевой веревке с треском колыхались на ветру простыни. Мы с Лолитой побежали снимать их, и едва успели спрятаться под камышовой крышей сарая, как на землю обрушился яростный ливень.

Мы сидели под далеко выступающей крышей у стены дома на старой рассохшейся лавке. Перед нами был двор, залитый лужами с лопающимися пузырями, за ним поле в туманной дымке, а еще дальше за плотной пеленой дождя чуть угадывался призрачный лес. Капли дождя блестели на лице и руках Лолиты.

— Я однажды рано утром зашла в курятник собрать яйца, и тоже пошел дождь. Я села на эту лавку и пережидала его. Ни о чем не думала, просто слушала, как он шумит. И вдруг мне стало так хорошо!.. Это было похоже на то, как будто я подумала о чем-то радостном. Или узнала о чем-то очень хорошем, что будет впереди!.. О таком хорошем, что оно было важнее всего в мире! Меня счастье укололо прямо сюда, — и Лолита коснулась рукой груди. — Но тут же все прошло. Мне хотелось снова это испытать, но я не могла понять, что же это было. С тобой такое случалось?

— Да, Лолита. И у меня тоже это тут же проходило. Всего одно мгновение.

— Если бы мы могли вспомнить, то всегда были бы счастливыми, — она чуть помолчала, задумавшись о чем-то, и вдруг произнесла: — Завтра утром папа с Андрисом вернутся из Риги, а дома есть нечего. Мне надо щи сварить. Это быстро. Только уголь наберем в сарае. Возьми вон то ведро.

Мы вошли в темноту пристроенного к дому сарая, и Лолита, откинув маленькую дверцу в полу, по лесенке спустилась в подпол.

— Давай я, Лолита!

— Здесь узко, мне удобнее. Ты мне помоги потом ведро поднять.

Набрав полное ведро угля, она приподняла его, чтобы я мог ухватить его за ручку и поднять наверх. На кухне она быстро растопила печь, поставила на огонь котел и положила в воду кусок свиной грудинки, который мы прихватили из погребца.

— Посмотри мои сокровища, — сказала Лолита, вынося из своей комнаты старинной работы шкатулку, покрытую темным лаком.

— Вот это — мамины бусы, — стала показывать она, открыв крышку. — Я, когда совсем маленькая была, любила с ними играть. А вот на это посмотри!..

— Что это за винт?

— Это не винт. Видишь, к нему две пружинки приделаны? Это ножи. Я сама его сделала и назвала — Бубу. Смешная игрушка, правда?

— А что это? — спросил я, увидев старые, пожелтевшие письма, до того истертые на сгибах, что они едва не распадались на части.

— Это бабушкины и мамины письма. Видишь, они по-русски написаны, но очень трудно разобрать. Мне вот это нравится, бабушка написала. Здесь молитва. Она написана очень понятно. Послушай!..

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой. Во всякий час сего

дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Твоя Святая воля. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и всех событий его. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить.

Лолита посмотрела на меня и улыбнулась.

— Видишь, какая молитва! — сказала она, складывая листок.

— А это что? — спросил я, указывая на маленький красивый блокнот, украшенный узором из золотых сказочных птиц.

— Здесь мой рассказ. Только он еще не закончен. О!.. Кажется, закипело!..

Лолита сняла пенку с бульона и бросила в кипящую воду две жмени геркулеса.

Плотный ветер давил на оконное стекло, раскаты грома слышались теперь далеко за лесом, но дождь, не переставая, шумел по крыше.

— Вот запоминай. Научишься делать латышские щи, — сказала Лолита, зачерпнула из котла ложкой, подула на нее и осторожно попробовала на вкус, — сейчас геркулес разварится, положим кислую капусту, лавровый лист. А пока поджарим лук. Видишь, я режу его только на две половинки, а ты потри морковку на терке. Давай-давай старайся, сам просил, чтобы я тебе все показывала. Потом в рассказе напишешь, как ты щи варил. Я тебя еще научу хлебный суп делать.

— Не мужское это занятие — готовкой заниматься, — заметил я.

— Глупости! — возразила Лолита. — Все настоящие рыболовы и охотники умеют готовить. А художник — он как охотник: ходишь по лесу, ищешь свою добычу, потом нашел красивое место и рисуешь его. Получилась картина — твоя добыча, не получилась — ушла от тебя, и вернулся ты ни с чем. Похоже?

— Логика стальная! Ты права. А зачем ты сластишь суп?

— Надо сахар положить и посолить. Ну-ка попробуй, — сказала Лолита, подув на ложку и поднося ее к моим губам. — Как?

— Вкусно!

— Пусть еще покипит. Завтра он еще вкуснее будет. Настоится за ночь.

За столом, у окна, заливаемого дождем, мы ели с Лолитой приготовленные нами щи. Лолита налила их в две большие глиняные миски, положила в них сметану, отрезала по куску белого хлеба и тминного сыра.

— Как вкусно, — сказал я, — сварю щи, когда в Ригу вернусь.

— Можешь и без мяса делать. Тоже вкусно. Соли и сахару достаточно положила?

— Все хорошо.

— А ваша практика два месяца будет?

— Да, Лолита, целых шестьдесят дней.

— И шестьдесят ночей!.. Это уже... сто двадцать!..

— Можно еще вечера и утра посчитать. Тогда получится — двести сорок!

— Как здорово! — обрадовалась Лолита. — Представляешь, сколько картин можно нарисовать, если одну утром, одну днем... и вечером... Налить еще?

— Спасибо! Я наелся.

— Завтра дождя не будет, начну тебе показывать то, что ты просил. С чего начнем, знаешь?

— С чего?

— День начинается с курятника. Покажу тебе жердочки, на которых куры спят... Им, между прочим, всегда свет нужен, даже ночью у нас в курятнике горит маленькая лам-

почка. Если будет полная темнота, то скорлупа будет совсем тонкой. Покажу, как золой перья им чищу от насекомых.

— А зимой им не холодно? — спросил я.

— Это же птицы. Жару они хуже переносят, чем холод. Завтра увидишь. Ты хотел наш сенной сарай посмотреть. Можно прямо сейчас. Ты иди, а я приберу здесь... Я быстро.

Прячась от дождя под крышей дома, я добрался до сенного сарая, вошел в него и, поднявшись по лесенке под крышу, устроился на сене у маленького окошка. В него задувал ветер и залетали капли дождя. Наступал поздний вечер, и стало еще темнее. Я лежал на сене и слушал, как шумит по крыше дождь.

Лолита поднялась ко мне и плюхнулась на сено возле меня. С собой она прихватила свою шкатулку.

— Забыла за домом белье снять. Но оно уже мокрое, пусть висит. Пока дождь идет, можем начать писать рассказ... Если хочешь, можно свет включить. Зимой здесь отец часто ремонтом занимается, вот и провел свет. Тепло здесь, правда?

— Да, и сено так приятно пахнет, аж в сон клонит.

— Я тебе тетрадку принесла, чтобы ты в нее свой рассказ писал. А про что ты хочешь писать? — спросила Лолита.

— Давай напишем, как ловили сегодня раков. Можем даже написать, как мы стали собирать грибы в «ведьминых кольцах» и заблудились.

— Будем врать? — спросила она.

— Почему врать? Это же рассказ. Мы будем сочинять.

— Надо будет нам разок с тобой заблудиться, — заметила Лолита.

— Зачем?

— А как ты можешь писать про это, если ни разу не заблудился. Думаешь, это так просто?! Нет. Когда ты заблудился в большом лесу, кажется, что земля под ногами кружится. Все вокруг как будто кружится. Это надо один раз почувствовать, чтобы узнать этот страх.

— Ты права. Я об этом не буду писать.

— И, знаешь, про то, как я счастье почувствовала... Не пиши об этом. А то вдруг кто-нибудь это прочитает и смеяться надо мной будет...

— Почему же смеяться? Это не смешно.

— А как ты начнешь рассказ?

— Это, Лолита, самое трудное.

— Знаешь, я однажды пришла в нашу церковь и увидела солнечный луч. Он шел из окна, пересекал всю церковь, и в нем летали пылинки. Если бы не луч, я бы и не знала, что там, в воздухе, есть пылинки. И тогда я подумала: вот сейчас войду в луч и почувствую счастье, как тогда, когда сидела одна под дождем. Я вошла в свет луча, остановилась в нем и... ничего не почувствовала!.. Почему я это почувствовала возле курятника и не почувствовала там — в церкви?

— Может, это означает, что Бог есть везде. Даже в курятнике.

— Да. И даже в глубокой яме, вроде той, из которой я уголь доставала. И не надо его искать ни в каком особом луче... Я это тоже тогда поняла. Только про это тоже не надо писать, — прошептала она.

— Хорошо, — ответил я. — Но про что же тогда можно писать? Лолита!.. Ты что... спишь?..

— Немножко заснула.

— Поспи, если хочешь.

— Нет-нет, это от дождя. Скажи, а правду говорят, что человек много раз живет на земле? — спросила Лолита.

— Этого никто не знает. Так говорят...

— Выходит, он каждый раз забывает свою прежнюю жизнь. И если это так, то где-то должна быть моя могила... А может, есть еще люди, которые меня помнят. Представляешь?! А вдруг я кого-нибудь любила?.. И теперь не помню о нем... Мне однажды приснился очень похожий на это сон.

— Похожий на что?

— На такие рождения. Мне снилось, что мы с сестрой пошли в лес. Даже не знаю зачем, может, за грибами, но неважно. Мы шли, шли, и вдруг я оглянулась и увидела, что сестры нет рядом. Она любит прятаться, и во сне я тоже так подумала: она спряталась. Я стала ее искать и увидела в толстом дереве большую расщелину. Вот она где, подумала я, подошла к расщелине и заглянула в нее. Там было темно. Я просунула руку и достала... золотое кольцо. Как я обрадовалась! Я шла по лесу такая счастливая — я нашла кольцо! Всю дорогу я играла с ним и подошла к лесному оврагу, махнула рукой, и кольцо слетело с пальца. Оно покатилося в овраг. Я стала спускаться вниз, всюду искала кольцо, засунула в какой-то куст руку и достала из куста... корзину земляники! Что за радость была у меня!.. Я прыгала от радости. И тут я проснулась и подумала и вспомнила: а где же моя сестра? А во сне я все время забывала то, что ишу, и радовалась тому, что находила.

— Да, похоже... Но не стоит думать об этом.

— Я не буду. Может, я и жила раньше, но все же это была не я. Это был другой человек.

— Конечно, человек — это то, что он помнит.

— Да.

— Давай я накрою тебя этим холстом.

— Как наше дерево шумит на ветру. Мне нравится этот шум. Он такой.. не знаю, как сказать.

— Спи.

— Да... Я капельку посплю... А завтра покажу тебе все...

Лолита тихо дышала в темноте и вдруг едва слышно что-то произнесла.

— Что? — спросил я, пригнувшись к ней.

— Был душный вечер, — прошептала она.

— Ты это о чем?

— Так ты мог бы начать свой рассказ. Помнишь, как мы встретились?

Лолита заснула, я коснулся ее откинутой руки и почувствовал, как пульсирует жила на ее тонком запястье.

Между нами лежала ее шкатулка. Я открыл в темноте крышку, и пальцы мои коснулись старых бус, маленькой игрушки из винта с двумя пружинками, ветхих писем и маленького блокнотика с неоконченным рассказом Лолиты.

Засыпая, я слышал, как ливень с новой силой зашумел по камышовой крыше, и, приоткрыв с усилием глаза, увидел маленькое, плачущее большими каплями дождя окошко над нашими головами. Капли стекали по стеклу, обгоняя друг друга. Каждая капелька, как жизнь человеческая, появлялась и быстро-быстро катилась вниз. Вон две капельки — это мы с Лолитой. Мы пока на самом верху, но вот мы заскользили вниз, и я закрыл глаза, чтобы не видеть того, что будет дальше.

* * *

Проваливаясь в рыхлый песок, мы с Лолитой поднялись на песчаный холм и вошли в удивительный еловый лес. Деревья росли очень близко друг к другу, мы петляли между серыми стволами с янтарными потеками смолы. Еловые ветви начинались

прямо над головой, они сплетались, образуя над нами почти непроницаемый для света полог. Было темно и тихо. Лолита шла впереди, бесшумно ступая по мягкому мху. Пахло сосновой смолой и хвоей.

— Посмотри, сколько опят, — сказала Лолита, приседая возле пня, облепленного грибами. Они расходились, словно щупальца осьминога, во все стороны по выступающим из земли замшелым корням.

— Здорово, — сказал я, — мы сейчас корзину наполним!

Я присел рядом с Лолитой. Ее глаза в зеленом лесном сумраке смотрели на меня очень внимательно. Они были темными, глубокими, как мрак. Мне показалось, что этому взгляду сотни лет!

— Пообещай мне... — прошептала Лолита, касаясь ладонью моей щеки.

— Что? — спросил я так же тихо.

— Пообещай мне, что ты никогда... — начала она снова, поглаживая мою щеку.

— Что, Лолита?

— Пообещай, что ты никогда не будешь... собирать эти грибы!

И она со всей силы ударила меня по щеке.

— Stulbenis (латыш. дурак)! Ты так однажды наешься этой дряни и помрешь. Это же не грибы, а мерзость!

— Но я тебе поверил!

— Если сам не знаешь, никому в таком деле не верь, — сказала она и вдруг улыбнулась. — Я тебя не слишком сильно ударила?

— Да пустяки.

— Тогда вот тебе еще, чтобы ты запомнил! — и она широко размахнулась.

— Достаточно! — ответил я, поймав на лету ее руку.

Она пыхтела, пытаясь высвободить руки, которые я крепко держал, и вдруг, изловчившись, стукнула меня головой в грудь. Неожиданно для самого себя я подхватил ее и поднял. Лолита замахнулась для удара, но вдруг ее рука замерла, глаза закрылись, а корзинка выпала из рук.

— Как хорошо, — прошептала она, улыбнувшись, — как будто летишь!..

— Хочешь, я тебя понесу?

— Нет, отпусти меня. Мы пришли.

Я поставил ее на ноги, Лолита подняла корзинку, взглянула на меня грустно и пошла вперед между стволами.

Вскоре деревья расступились вокруг крохотного лесного озера. Оно было таким маленьким, что больше походило на след от большой воронки, заполненный до краев темной неподвижной водой. Стволы высоких елей подступали к самой воде, казалось, мы на дне глубокого лесного колодца. С неба на нас лился дымчатый столб перламутрового света.

— Здесь живет «существо», — сказала тихо Лолита, показывая на темную гладь озера. Иди сюда, — позвала она, присаживаясь у воды.

Я сел рядом и посмотрел в непроницаемую темноту озера.

— Когда умерла моя мама... я пришла сюда, а потом опустила руку в воду, и оно меня коснулось! Я плакала, слезы капали в воду, а существо гладило меня по руке. Опустил руку в воду, и оно коснется тебя тоже. Я буду под водой держать тебя за руку, и оно увидит, что ты мой друг. Не бойся!

Мы опустили руки в воду. Лолита, глядяваясь, опускала голову все ниже и ниже к поверхности озера, пока воды не коснулись кончики ее рыжих волос. Я чувствовал руку Лолиты в своей руке, и тут моей руки под водой что-то коснулось. Лолита радостно взглянула на меня.

— Ты почувствовал?

— Да.

— Это оно! Но никому не рассказывай о нем!

Мы снова вошли в лес, под еловые ветви. Лолита, подняв капюшон, шла впереди. За елями начинался березовый лес. Деревца были невысокие, метра три в высоту, но росли очень густо в высокой жесткой траве.

— Смотри, боровички! Так рано появились! — воскликнула она.

И действительно, почти под каждой березкой росли маленькие, размером с палец, боровики. Наполняя корзину, мы углублялись все дальше в заросли.

— Лолита, мы в болото не зайдем? — спросил я, заметив, как ходит под ногами влажная почва.

— Замри! — прошептала вдруг Лолита.

— Что такое?

— Смотри!..

Я пригляделся и увидел на кочках клубки змей.

— Это ядовитые, не шевелись, — прошептала она, — Я не шучу! Смотри под ноги и быстро за мной! По моим следам!

Мы перепрыгивали через змей, и через палки, похожие на змей, и через толстые стебли растений, похожие на змей. Казалось, что кругом только змеи. Но вот перед нами спасительный холм, поросший сосновым лесом. Мы опустились на мох и привалились, тяжело дыша, к стволу сосны.

— Ну и пробежка, — задыхаясь, сказала Лолита. — Мы это называем «змеиная свадьба». Не знаю почему, но другой раз вот так все они сползаются в одно место. Знаешь, куда нам теперь идти?

— Понятия не имею.

— Ничего, я знаю, — она хлопнула меня по плечу. — Мы не заблудимся, давай я тебе сегодня покажу наш лес.

— Да я только что видел его, — сказал я, поглядывая в сторону змеинового болота.

— Я хочу тебе показать настоящий лес.

— Что же тогда водится в настоящем лесу?!

— Там вожусь я, — ответила Лолита, — а еще там водятся лисы, кабаны, лоси и другая живность. Но они прячутся, услышав человека. Сегодня ты увидишь только меня. Идем.

День постепенно угасал, нас окружала тишина. Мы шли под высокими соснами по дорожке, петлявшей в высоком папоротнике, и чем дальше мы шли, тем больше было птиц и все громче и громче они пели. Лолита, в длинном плаще с капюшоном, со спины казалась мне маленьким сказочным лесным существом.

Впереди блеснула вода неширокой лесной реки. И здесь, как и на озере, лес близко подступал к воде.

— Идем! — Лолита махнула мне рукой и пошла вдоль реки по узкой, нависающей над водой кромке земли. В тех местах, где берег был подмыт водой, мы сворачивали в лес и потом снова выходили к реке.

— Плавал когда-нибудь на плоту? — спросила Лолита.

У самого берега я увидел плот. К дереву был привязан тонкий трос, он проходил через кольцо, прикрепленное к днищу плота, и уходил в воду. У противоположного берега трос показывался из воды и крепился к дереву. Подтягивая трос, можно было переплывать на другой берег.

— Ну что, переплывем? — сказала Лолита, улыбаясь. — Там начинается настоящий лес. Прыгай, но только не на край плота.

На самой середине реки мы перестали тянуть трос, и плот остановился, кружась на одном месте.

— Правда красиво? — спросила Лолита. — Я называю это место «середина счастья». Здесь всегда так хорошо! Ты первый, кого я привела сюда...

Плот покачивался на воде, пространство между двумя стенами леса было наполнено вибрацией птичьего пения. Рядом с нами ударила по воде хвостом большая рыба, и стая мальков бросилась в стороны с таким звуком, словно швырнули в воду горсть мелких камешков. И снова — гулкая лесная тишина и птичье пение.

— Тебе здесь нравится? — спросила Лолита.

— Здесь хорошо!.. Ты любишь приключения, Лолита?

— Да, люблю, — кивнула она и улыбнулась. — А твоя девушка пишет тебе?

— Пишет, Лолита.

— Я бы тоже хотела написать тебе письмо. А знаешь, давай я тебе прямо сейчас напишу письмо...

— Конечно, только как ты его хочешь написать?

— Сейчас ты его услышишь... Оно необычное... Это письмо тебе в будущее. Ты запомни его.

Лолита помолчала, опустив голову так, что волосы закрыли ее лицо.

— Виталик... — начала она и запнулась, — сейчас... уф... сейчас, — проговорила она, касаясь рукой груди. — Мне только надо начать... Не смотри на меня, так мне будет легче... Виталик, это тебе пишет Лолита. Ты помнишь меня? Я та рыжая девочка с растрепанными волосами... У меня еще были веснушки на носу, все смеялись, а тебе нравилось... Вспомнил? А еще у меня на шее было родимое пятнышко, как сердечко... Оно тоже тебе нравилось. Неужели ты забыл мое лицо!.. Но, может, ты помнишь мои залатанные джинсы? Ну хоть кеды мои красные?.. Но главное — помнишь ли ты «середину счастья»?

Ты всегда можешь возвращаться сюда. Тебе надо только закрыть глаза и вспомнить дорогу. Когда бы ты ни закрыл глаза, когда бы ни пришел, здесь буду я на середине реки, и ты вспомнишь меня...

Лолита замолчала, подняла голову и быстро, пристально посмотрела на меня.

— Я зря сердилась на твою девушку, — сказала она, прикусив нижнюю губу, глаза ее блестели. — Мое письмо к тебе получилось тоже грустным.

— Лолита, у тебя получилось чудесное письмо! Мне никто не писал таких писем. Я не забуду его. Никогда не забуду...

Мы немного помолчали, глядя в разные стороны, плот чуть кружился на воде, между досками чернела вода.

— Лолита, я уезжаю в Ригу. Что тебе привезти? Что ты любишь? — спросил я ее.

— Что... я люблю?.. Я ничего не люблю, — ответила она, глядя в сторону, — плывем дальше...

Лес на другом берегу был действительно дикий. Глубокие мхи, папоротник по пояс, толстые стволы высоких елей. Все было окутано зеленым сумраком и тишиной. Лес был испещрен трещинами-канавками, наполненными водой. Перепрыгивая через одну из них, Лолита поскользнулась и упала в воду. Я вытащил ее, мокрую, всю перепачканную земляной жижей. Она шла, грязная и понурая, я не видел ее лица, но мне показалось, что она плачет.

— Я никогда не была еще такой грязной, — услышал я ее приглушенный голос.

— Лолита, — позвал я ее. — С тобой все нормально? Сейчас мы разведем костер. У меня есть спички.

Она немного прошла и, обернувшись, сказала:

Я родился носачом.
Мне несчастья нипочем.
Полечу с коня, спасаюсь,
Носом в землю упираюсь.

Уже совсем стемнело, когда мы дошли до ручья. Она разделась за моей спиной и стала мыться.

— Я не могу достать, — сказала она, — смой грязь со спины.

— Давай, я не смотрю на тебя.

— Можешь смотреть. Я такая грязная, что мне не стыдно.

Она вымылась, а потом на голое тело натянула мой свитер, который ей доходил почти до колен, и мы прополоскали в ручье ее одежду.

— Надо возвращаться, — сказала она. — В другой раз мы пойдем дальше, а сегодня хватит. Вон там выход из леса. Я покажу тебе большой яблоневый сад, а за садом поле, — и вдруг неожиданно спросила: — Я не говорила тебе, что моя мама была русская? Она умерла прошлым летом.

Лолита замолчала, а я не знал, что ей сказать.

— Мне нравится, как ты говоришь по-русски. Говоришь чисто, как и мама.

— Так кто же ты, русская или латышка? — спросил я, стерев с ее щеки капли воды.

— Я думаю по-латышски, значит, латышка, но сейчас... мне пришла в голову мысль на русском языке: как тебе не надоело со мной?..

Выглянула луна и осветила прекрасный яблоневый сад. Мы, как зачарованные, стояли между высокими деревьями, ветви которых гнулись от тяжелых плодов.

— Знаешь, на что этот сад похож? — спросила Лолита, касаясь рукой ветвей. — Это похоже на райский сад. Мне мама рассказывала. Как ты думаешь, Адам и Ева сорвали яблоко днем или ночью? Мне кажется, что ночью, вот такой, как эта. Ведь они воровали... Да, была точно такая ночь, и посмотри, — показала Лолита рукой в небо, — тогда над ними были эти же самые звезды... Сейчас все, как тогда! Все только начинается, и никто не знает, что будет дальше, — и вдруг, лукаво улыбувшись, тихо сказала: — Давай сделаем, как в Библии написано!

Она двумя руками сорвала большое яблоко и медленно протянула мне. Я взял ее ладони и прямо из них укусил плод. Лолита улыбулась и укусила в том же месте. Мы кусали по очереди яблоко, луна золотила ее волосы, но глаза Лолиты были черны и пугающе таинственны. Она приблизила свое лицо к моему и прошептала:

— Сейчас на нас закричит... Бог! Сейчас он нас прогонит! Но знаешь... давай сами убежим отсюда! Бежим!.. — закричала она громко и побежала к полю, укрытому тонкой полосой тумана. Лолита бежала, а за ней тянулась темная полоса травы.

— Лолита, за тобой след остается, — крикнул я, — ты можешь рисовать на поле, в тумане!

Она остановилась и повернулась ко мне. Она казалась такой маленькой в туманном поле.

— А мы с тобой не потеряемся? — донесся ее крик. — А то я вырасту, ты встретишь меня и не узнаешь?.. Если ты увидишь у кого-нибудь на шее родинку-сердечко, то знай — это я! Сейчас я нарисую тебе ее!

И Лолита побежала по полю полукругом, а потом еще одним полукругом, туман разлетался под ее ногами, и на поле в тумане проступал едва уловимый контур сердца и тут же таял. Лолита бежала все дальше, все глубже погружаясь в туман, исчезая в нем, тая, пропадая...

Вместо послесловия

На летнюю практику в Академии художеств мы ехали на два месяца в сельскую латвийскую глубинку. В то лето что-то задержало меня, и я приехал позже остальных студентов, за день до праздника Лиго (аналог праздника Ивана Купалы).

Все сокурсники уже разместились в местной школе. Все было как обычно — пустые классы, кровати, матрасы, и я нашел свободное местечко. Сунул вещи и этюдник под кровать, положил на подушку «Рассказы о Нике Адамсе» Хемингуэя — мое ежевечернее чтение.

В школе пусто, сокурсников не видно. Первым делом я решил осмотреть окрестности. За школой лес, за ним шумит море, вокруг поля, под старыми дубами виднеются хуторские дома, стоящие на большом расстоянии друг от друга. За дымчатой зеленью ив блестит река.

Наконец я заметил парней и девушек с отделений графики, скульптуры и гобелена. Народ готовился к Лиго, а поскольку этот праздник отмечался следующей ночью, я решил выспаться. Вернулся в школу, лег и написал письмо девушке, которой обещал писать каждый день. И не заметил, как заснул.

Проснулся ночью, почувствовав, что с меня стягивают одеяло. На койке сидела Ивета с четвертого курса и звала меня «прогуляться». Она еще что-то тихо говорила, но я то ли не расслышал, то ли не понял со сна. Видел только ее глаза, сверкающие в темноте. Я окончательно проснулся, и меня стал разбирать смех от этой сцены: двое тянут одеяло каждый на себя. С соседней кровати послышался чей-то совет:

— Да ты его приласкай.

— Если я его приласкаю, он сознание потеряет! — ответила девушка из темноты, все еще не отпуская одеяло.

— Слушай, иди с кем-нибудь еще, — сказал я.

Ей это надоело, она встала и сказала:

— Одна моя подруга вела себя, точно как ты, а когда была на шестом курсе, сказала мне: «Какая же я была дура!» И ты тоже это когда-нибудь поймешь.

В той глубинке праздник Лиго отмечали очень весело. К вечеру у реки был накрыт стол длиной в несколько десятков метров. Привезли бочки пива, на столах сыры, соленья, черный хлеб с тмином. Пылал огромный костер. Белая церковь на холме озарялась колеблющимся светом.

Оглушительно играл оркестр, и так любопытно было видеть кассира из местного магазина с аккордеоном, почтальона со скрипкой и директора школы, в которой мы остановились, игравшего на трубе.

У реки собралось человек триста — весь поселок. Мы пировали за столом, озаряемым светом костра, а в нескольких шагах, за нашими спинами, была полнейшая тьма.

Мой сокурсник Эдгар пошел танцевать с местной девушкой и вскоре вернулся с ней и с ее подружкой. Мы посидели немного и решили прогуляться к морю. Нам захотелось увидеть его ночью.

Девушкам было лет по восемнадцать. Когда мы проходили мимо костра, я заметил, что одна из них беременная.

Едва угадывая, куда ступить, мы прошли мимо мельницы, плотины, озера с небольшим островком посередине. Дошли до кладбища. У самого входа высился большой белый надгробный камень, и на нем я едва различил фотографию девочки лет пятнадцати. Похоронена она была давно, более двадцати лет назад. Я смотрел на нее, едва

различимую во тьме, слышал доносившиеся издалека звуки музыки, смех, голоса людей и думал: а ведь о ней сейчас никто не вспоминает. Никто не думает о ней сейчас. Тьма, окружавшая нас, казалась олицетворением той тьмы, что поглощает не только все живое, но и память о нем. В самом деле, где она теперь?..

До чего же трудно представить себе это ничто. Это так далеко, что если бы она была на одной из звезд, что сияли над головой, то была бы совсем рядом. Эту искорку света можно было бы видеть. Можно было бы сказать: она вон там.

Я решил обязательно прийти сюда днем. Да и скамья там стояла среди кустов. Там так хорошо было бы писать письма!

В полном мраке мы подошли к морю. Оно было неподвижным, только слышался сонный шепот маленьких волн, плескавшихся о берег.

Девушки решили искупаться. Они отошли в сторону, разделись догола и зашли в воду. Было очень тепло. Мы с Эдгаром сидели на гребне дюны и смотрели на разноцветные корабли на горизонте и перемигивание маяков по обеим сторонам залива.

Накупавшись, девушки пригласили нас к себе домой. Жили они в деревянном старом доме, в маленькой комнатке, и спали на одной кровати. Они спросили, умеем ли мы гадать. Я знал одно гадание и предложил погадать на книге. Для этого берется большая книга, раскрывается на середине, в нее вкладываются большие раскрытые ножницы, они зажимаются книгой, которая перевязывается поперек черной лентой. Теперь книгу можно держать на весу, подложив указательные пальцы под кольца ножниц. Беременная, которую звали Инга, захотела погадать. Мы сели с ней напротив друг друга, кольца ножниц на наших пальцах. Она задала вопрос:

— Книга, скажи, Янис на мне женится?

Книга начала поворачиваться по часовой стрелке, ведя за собой наши пальцы. Это означало — да.

А на следующий день началась наша практика. Когда выходил из школы, столкнулся с девушкой с четвертого курса, что не давала мне спать. Она взглянула на меня и прошептала: «Ненавижу!» Я ничего не ответил, поняв, что в каждом из нас есть вещи, которые другим нельзя знать безнаказанно.

Мы с Эдгаром отправились к морю рисовать крытые соломой дома и сараи. На берегу сушились сети, кричали чайки, на песке блестели вплетенные в сети стеклянные шары-поплавки. Пенная поверхность моря была не так спокойна, как ночью, ветер пах тиной, со стороны поросших травой дюн доносился стрекот кузнечиков.

Рисовал я в этот день так: расщепив карандаш, вынимал палочку графита, ломал его на кусочки, сантиметра по два. Можно делать рисунок, держа такой кусочек графита в руке, а можно положить его плашмя на лист бумаги и рисовать всей плоскостью, придавив большим пальцем. Получается интересная фактура, она меняется в зависимости от нажима, поворотов руки и шероховатости бумаги. Так хорошо рисовать старую каменную кладку, кору дерева, соломенные крыши хуторских построек.

Нашей задачей на практике было изучение природы и способов передачи фактур и материальности всего, что мы видим вокруг. На рисунке камень должен быть камнем, дерево — деревом, вода — водой. Хорошая работа всегда заключает в себе какую-то изюминку. Не заметив ее в окружающей природе, нельзя начинать работу.

После обеда мы делали акварели. Акварель — самая сложная художественная техника. Во всех других техниках ты контролируешь ситуацию. Маслом, темперой, акрилом можно работать долго и спокойно. Все в твоих руках, и у тебя получается то, что ты способен сделать. Но в акварели все делается быстро, контролировать подчиня-

юющуюся своим собственным законам акварель нельзя. Надо знать законы перетекания и смешения цветов, Менять угол наклона планшета с листом бумаги, создавать ситуации, когда акварель станет делать то, что тебе надо. Акварель не столько делаешь, сколько кистью упрощаешь ее, доказываешь ей свою дружбу.

К концу дня были сделаны два больших рисунка и две акварели. Теперь можно было искупаться, а потом лежать на теплом песке и смотреть в небо, на плывущие облака. Вокруг меня, тут же, на песке, лежали акварели и рисунки. Воздух был чист, напоен морской свежестью, на всем вокруг лежал теплый, предзакатный свет.

Впереди целое лето, думал я. Впереди мои работы, которых пока нет. А что еще впереди? Что, вообще, может произойти в такой глуши?

Я лежал и видел белую церковь со сверкающими на солнце стеклами, видел кладбище и большой белый камень у входа с овальной фотографией девушки, у которой было такое красивое имя — Sandra. Я вспомнил о ней, и, значит, она в этот момент немножко жила. А дальше уходили поля, перелески, блестела река, и далеко-далеко мальчик и две девочки бежали по полю.